

**XVI
СЪЕЗДУ
КОМСОМОЛА —
ПИОНЕРСКИЙ
САЛЮТ**

Костёр

**5
М А Й
1970**

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

СОЛНЦЕ ПОБЕДЫ

Леонид Хаустов

Помню Девятое мая
В том сорок пятом году.
Солнце Победы, сияя,
Встало у нас на виду.
Шло оно в дальние дали,
В каждое глянув окно,
В каждой солдатской медали
Жарко сверкнуло оно.
Что же оно озарило?
Рваные раны земли,
Братские наши могилы,
Горе у каждой семьи.
Скорбную вдовью улыбку,
Радость нахлынувших слез

Да обгоревшую зыбку
В хате у белых берез.
Мрак прогоняя со свету,
Шло оно в пламя и дым.
Рад я, что помнить про это
Вам не дано, молодым.
Ваши мечты и заботы,
Гордое счастье труда,
Слеты, рекорды, полеты,
В дебрях тайги города,
Тропы, что вами воспеты,
Юной любви торжество, —
Все это — солнце Победы,
Все это — отблеск его.

*Автолитография А. Пахомова
(Фрагмент)*

Михаил Дудин

Рисунки

А. Смирнова

На тихих клумбах Трептов-парка
Могил в торжественном покое
Давно горят светло и ярко
Пионы, астры и левкой.
И за судьбу Земли спокоен,
Ее простор обозревая,
Стоит под солнцем русский воин,
Ребенка к сердцу прижимая.
Он родом из Орла иль Вятки,
А вся Земля его тревожит.
Его в России ждут солдатки, —
А он с поста сойти не может.
Он стоит, попирая ногой свастику и не выпуская из руки меча.
Он стоит здесь, в центре Европы, иногда забывающей о его
подвиге, четверть века.
Его бронзовые и гранитные братья, как бы перекликаясь с ним
во времени, стоят на площадях городов Польши, Болгарии,
Чехословакии, Румынии, Югославии.
Он грозен и человечен.
Он грозен ради человечности.

ПОБЕДА ПОДТВЕР

Иногда его называют ласково «Ваня» или «Алеша».
На его пьедестале никогда не вянут живые цветы признательности.
За его плечами длинная дорога в четыре года войны.
За его плечами двадцать миллионов его погибших товарищей.
Имя его — Советский солдат.
Ты своей жизнью обязан ему.
Европа — тоже.
Что его привело сюда?
Справедливость!
Забывать прошлое — это значит быть слепым.
Его подвиг обязательно надо помнить.
Помнить не только потому, что круги истории повторимы.
Помнить надо еще и потому, что с каждым днем человеку
необходимо больше мужества, мужество должно, непременно
должно стать основой характера человека.
Две вехи есть для человечества в нашем тревожном и
заманчивом своими возможностями двадцатом столетии.
Есть опыт самой Ленинской Революции, ее утверждения руками
Народа.
И есть опыт защиты Ленинской Революции —
Великая Отечественная война.
Сама История выбрала Ленинград местом своего действия.
Здесь свершилась и победила Революция.
Здесь рукой Ленина Советская власть подписала свой первый
декрет, декрет о мире.

Здесь разыгралась одна из грандиозных битв
Великой Отечественной войны, битва с фашизмом.
Она длилась девятьсот дней и девятьсот ночей.
«Умрем, но не сдадим».

Такими словами клялись Ленинградцы.
Такими словами клялись защитники Ленинграда, на языках всех
племен и народов, населяющих Советскую Землю.
Стойкостью Ленинграда восхищался весь мир.

Ленинград — победил.

Прошло четверть века.

Ленинград стал еще прекраснее в своей строгой бесподобной
красоте.

Есть в характере Ленинграда особая красота мужественной
собранности.

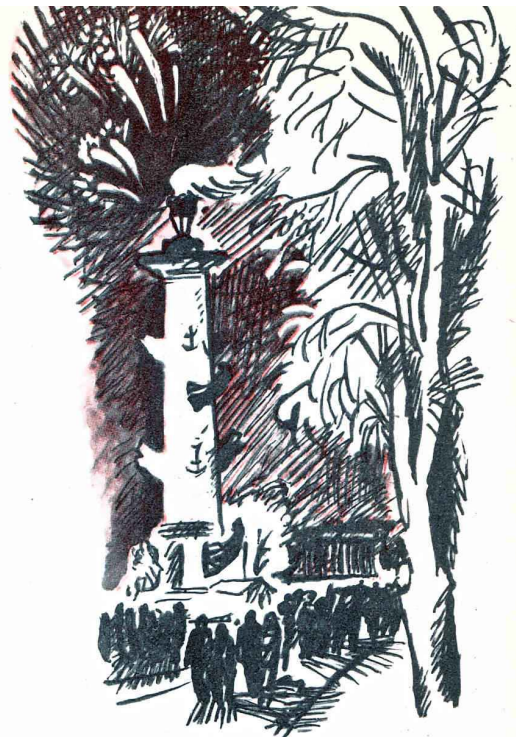
Здесь История не живет сама по себе. Она живет сегодняшним
днем, расширяя его во времени, соединяя Вчера и Завтра.

Ленинград — не только каменная летопись Революции,

Ленинград устремлен, как сама Революция, — в грядущее.

Он умеет превращать трагедии в торжество жизни. Он любит
праздники и не признает праздности.

Он умеет не назойливо, своими площадями, мостами,
набережными, Невой, ансамблями учить своему характеру,

РЖДАЕТСЯ ВЕРНОСТЬЮ

передавать свой характер тому, кто с ним откровенен.
Прошло четверть века. Европа не помнит такого длительного
периода мира в своей истории.

Этот мир утвердила наша Победа.

Она требует подтверждения делом, бдительностью, жизнью.

И мы на веки вечные сохраним память о павших героях. Их

кровь — в нашей крови. Их порыв в наших устремлениях.

Их сила — в наших руках.

Слава отцов — в славе потомков!

Молодость!

Без знания прошлого — дорога в грядущее темна.

Все, что было до тебя, — твое!

Ты присягнула Ленину.

Тебе продолжать его дело.

Молодость!

Опыт героев революции, ее строителей и защитников, — с тобой.

Это твоя гордость.

Тебе есть кому подражать.

Есть на кого равняться.

Молодость!

Ты будущее Родины!

Будь пытлива и настойчива в познании и деле.

В великом Ленинском деле преобразования мира — твое жизненное
назначение и счастье.

Мужество павших и дело живых — едины!

ПЕРВЫЙ БОЙ

РАССКАЗ

Ф. Гордеев

Рисунки Н. Муратова

Надо подойти к проруби, обросшей ледяным грибом. Снежный вихрь ударяет в лицо. Генка корчится, дует на пальцы...

«Помер еще Гурий Ефимович, — записал Генка утром, — Гурий — папин товарищ по заводу, лежит на кухне мертвый. Теперь в квартире остались только мы с мамой и с Витькой. А заводских и вовсе в доме один я... По радио передавали стихи. Мама просит пить, а пить ей нельзя — пухнет... Сбито шестнадцать самолетов противника».

...Вперед, еще немного... Генка проваливается в сугроб. У реки он отдыхает, опустившись на коленки. Засовывает руки в рукава и озирается. Он делает это всякий раз, подходя к проруби, и ему становится жутко от скорбного безмолвия вокруг. Все кажется застывшим: скелеты обгоревших зданий под шапками снега, мертвый мост. По этому мосту когда-то Генка ездил с отцом на завод...

Отца убили под Новгородом. А Генке сейчас приходится таскать воду и стоять в очередях в булочной.

«Вперед, еще немножечко!» — повторяет он себе. Ой, как тяжело отдирать припаянные к жгучему снегу коленки.

У проруби он ложится на ледяной вал и опускает бидон в воду. На миг его пугает дымящаяся от холода прорубь, замораживает губинным мраком...

Он еще записал:

«Всю ночь Витька просил сосульку, что висит у нас промеж рам. Я ему не дал грязную сосульку, и тогда он принялся тихонько выть... и вдруг помер. Теперь в квартире остались — я и мама...

Сбито двадцать самолетов противника».

Удивительными сделались сумерки — лунные, призрачные, с яркими зорями, с четкими тенями на голубом снегу. И если б не бомбежки в один и тот же час, трудно было бы определить — то ли наступает вечер, то ли уже глубокая предутренняя ночь.

Теперь Генка не водил мать в бомбоубежище. У нее отнялись ноги. Порой где-то глубоко судорожно вздрагивала земля, порой рвалось под самыми окнами.

А метроном отсчитывал:

— Тик-тик-тик-тик-тик-тик-тик...

В одну из таких ночей Генка ушел искать салазки — надо было Витьку на чем-то увозить... Ушел Генка в двенадцатом часу, а пришел только на другой день. Его завалило стеной, и он чудом остался жив. Выбрался с помощью дружинников, даже не раненый.

Записал:

«Теперь остался один... У нас вышиблены все окошки.

Сбито двадцать шесть самолетов противника...»

Утром Генка очутился сперва в райкоме комсомола, а затем его включили в команду отправляющихся добровольно на фронт.

Генка получил паек: листик шпигу в десять граммов и сухарь, совсем светлый, чудесный сухарь, наверное, довоенный.

И уже к вечеру того же дня он шагал со своей командой через предфронтовые рвы, через пригорки с надолбами, мимо обжитых солдатских землянок, через лесок, вовсе мертвый, с отбитыми сучьями, с расщепленными стволами. И пришли, наконец, к доту, вросшему в землю кирпичным подвалом, видно — дом тут когда-то стоял. Сверху четыре наката.

Солдаты в полушубках и валенках только что привели пленного. И Генка впервые в жизни увидел живого, настоящего немца — во всем темно-зеленом, в шапочке пирожком.

Лицо у немца было обыкновенное, белое, даже красивое, жалобно искривленное. И в этом была какая-то несуразица, что никак не укладывалось в сознании Генки. Он отвернулся неприимно.

Команду новичков выстроили, старший группы пошел докладывать. Кому докладывать? О чем? Генке было решительно все рав-

но. Главное, сейчас дадут оружие, может, покормят. И наконец-то в бой...

Из землянки вышел комбат, помятый какой-то, прокопченный, будто только что топил печку. Устало оглядел строй. Сказал:

— Тут не госпиталь... Мне нужны вояки!

И принялся ругаться. А нужна была команда, думал Генка: «За Родину, вперед!»

Но этот злой майор решил сортировать людей. Кого вправо, кого влево. Генка неожиданно попал в команду со многообещающим названием — «особая». Но тут же выяснилось, что эта гордо звучащая «особая» отправляется в медсанбат. У всей команды было явное истощение — дистрофия.

Очень обидная оказалась команда.

«Особую» отвели немного в сторону. Велели застегнуть все пуговицы, укутать шеи. И самым добросовестным образом пересчитав «особую», в сопровождении санинструкторов вывели в тыл.

Нечего было и думать о бегстве из этой команды... Но не прошло и суток, как Генка вновь оказался у знакомой уже землянки. И между ним и комбатом произошел настоящий военный разговор, впрочем, не сразу.

Шел бой, и тут было не до Генки. А покамест он стоял, никем как будто не замеченный, прижавшись в уголке землянки.

— «Чайка», я «Радуга», «Чайка», я «Радуга». Как меня слышите? Как меня слышите? Прием, — спрашивал ловкий, проворный радист, по-хозяйски важно расположившись около комбата, и с полнейшим презрением, как казалось Генке, метал иногда взгляд куда-то выше его головы.

В дверь все время врываются связные с докладами. У комбата что-то не ладилось. Он то сердито кричал в телефон, то напряженно и долго смотрел на карту, разостланную на ящике из-под мин. Перед ним стояла жестяная кружка с кипятком, но он забыл о ней, еще более злой, чем вчера, недоступный.

Но Генка все-таки прицеливался затеять разговор... Выжидал паузу, чтобы обратиться к комбату.

Но война шла своим чередом, и не было в ней пауз.

— Высота-23. Передать пятнадцатому, какая сводка. Прием! — требовательно спрашивал проворный радист. Из наушников слышался жужжащий ответ:

— Контратакуют справа, контратакуют справа. Веду огонь, прикрываю 19-го. Прием.

— Чертовски рискованно, — сказал комбат и стукнул пальцем по какой-то точке на карте, — надо усилить прикрытие низины. Танки пустили, гады.

Тут он заметил Генку.

Генка вытянулся:

— Разрешите доложить... Я...

И в этот миг взрыв потряс землянку. С потолка посыпалась пыль. Коптилка погасла, но ее мгновенно зажгли. Комбат спросил, будто ничего не случилось:

— Какого подразделения?

Генка молчал, у него не было никакого подразделения.

— Фамилия?

Генка назвал. Комбат осмотрел его поподробнее.

— Вы, кажется, были направлены в госпиталь?

У комбата была отличная память, и Генка окончательно струсил.

— Так точно.

— Что ж, бежал?

Генка опять промолчал. Комбат вздохнул:

— Нехорошо.

И уже с любопытством стал разглядывать юного солдата.

— Так почему же, черт возьми, сбежал из госпиталя?

— Не знаю, — потерянно ответил Генка.

— Не знаешь? — повторил уже мягче комбат и вдруг крикнул ординарцу:

— Митя! Ну-ка покорми солдата.

— Ленинградский?

— Ленинградский, — ответил Генка и почувствовал, что плачет.

— Семья жива?

— Нет...

Комбат с жалостью смотрел на него. Он все понял и сказал совсем по-отцовски:

— Полно, полно... — и, помолчав, удивился: — Как ты, однако, пришел? Такая даль... Больной. Сколько тебе лет?

— Шестнадцать.

— Вот видишь... Не глуп, а мог в дороге погибнуть...

— Мне бы в бой, — упрямо сказал Генка.

Связной Митя поставил перед Генкой полный котелок горячего супа.

Сперва Генку причислили к хозяйству, поближе к кухне. Там он немного окреп, и его направили в четвертую роту.

Четвертая — это не третья и не вторая, обороняющие участки поважнее, и тем более не первая, расположенная на головном направлении у развилки дорог, четвертая есть четвертая, думал Генка. Но он был доволен. Ему выдали все новенькое: полушубок, валенки, патронташ и, правда, не автомат, а винтовку. Зато были получены наилучшие гранаты «лимонки» и еще бутылки с горючим.

Первым делом командир взвода, которого Генка не успел еще и запомнить, приказал спать. И, провалявшись до ночи, Генка с ефрейтором Грищенко отправились в тихие, глубокие, вполне безопасные, как казалось Генке, траншеи.

Грищенко, немолодой, молчаливый, со свирепыми усами, привел Генку в какую-то нору, прорытую вбок от великолепных траншей, и начал проверять свое и Генкино снаряжение. Старательно поставил на ножки ручной пулемет, щелкнул диском и, словно напугавшись этого щелчка, огляделся. Высунулся за бруствер так осторожно, будто боялся, что его сейчас схватят; и это было, по мнению Генки, верхом трусости, присущей, конечно, четвертой роте. Вздохнув, Генка прижался к глиняной стене и как-то вяло стал ждать, что будет дальше.

Грищенко сказал:

— Дывись у лево, а я у право...

Тогда и Генка высунулся за бруствер, но смотреть было совершенно не на что. Белесый мрак и вьюга на гребне сугробика, аккурат перед самым Генкиным носом. Где-то далеко с перерывами захлебывался пулемет. А тут хоть спи.

Так они отсидели с час или два, в полном молчании. Потом послышалась какая-то тихая возня, но не там, куда смотрел Генка, а позади. Траншеей тихо прошла группа незнакомых Генке солдат, потом еще и еще... Солдаты шагали так осторожно, будто и дышать запрещалось. Генка немножечко заскучал.

И тут... на войне, видно, всякое бывает, даже в четвертой роте. Все вокруг преобразилось. Воспламенилось все, как показалось Генке. С треском и шипением совсем рядом, из-за завьюженного сугробика взвилась одна, вторая... десятая ракета. А одна из них распустилась кустом, будто люстра, и светло делалось, как днем.

И тут же с ревом, грохотом, свистом земля взорвалась. На Генку обрушились комья. Пахнуло горячим дымом. Он невольно съежился, готовый зарыться головой в снег, но заметил, что Грищенко деловито поднимает на бруствер своего «дегтяря». Генка тоже поднялся чуточку над бруствером. И сейчас же увидел танки.

Сперва ему показалось, что танки крутятся на месте.

Вдруг неведь откуда перед Генкой возвысилась горой скрежещущая, звякающая машина.

Он выстрелил из винтовки. Но что винтовка?! Ему стало страшно.

Он увидел, как Грищенко бросил первую гранату, а потом бутылку. Генку это немножко подбодрило. Но танк все полз. Тогда и Генка бросил бутылку, задохнувшись внезапно от небывалой ярости, вспомнив в этот миг и мать и брата Витьку.

И тут вторая бутылка, которую поднял он для броска, взорвалась. Его обдало жаром. Забушевал огонь, и Генка живым факелом выбросился из траншеи. И начал в сугробе кататься...

Танк вильнул в сторону, обнажив уязвимую боковину, и тут Грищенко не прозевал... Раздался взрыв. И сразу же стало тихо.

Грищенко поднял Генку, сорвал с него дымящийся полушубок и, как маленького, понес в траншею. Генка прерывисто дышал, готовый зареветь навзрыд, но заставлял себя сжимать зубы: ведь отныне он уже солдат, солдат...

ДРУЖБА-НАЙРАМДАЛ МИР-ЭНХ ТАЙВАН

Впервые монгольская речь зазвучала в 509 ленинградской школе в тот день, когда пришли гости — монгольские студенты и школьники, которые учатся в Ленинграде. А пришли они потому, что дружина 509 школы изучает Монголию. Гости спели на родном языке песни, исполнили национальные пляски.

Скажи тогда ребятам, что через год они будут петь на этом языке песни, только недоверчиво бы усмехнулись. А все произошло именно так.

— Вы говорили, что вам понравились наши песни и танцы. Хотите петь и танцевать сами? — предложили новые друзья.

Вскоре начались репетиции — гости учили хозяев петь и танцевать.

Не мешало ли это учению? Нисколько. Ведь в Клубе интернациональной дружбы не «держат» тех, кто плохо учится...

Садгаагийн Нурдан учил ребят не только правильно произносить незнакомые слова песни. Он попутно старался рассказать как можно больше о своей родине. Однажды Нурдан принес необычный снимок: малыш на коне. Разглядывали, расспрашивали... Такой маленький и — верхом, — вздохнул кто-то.

В Монголии дети садятся на лошадь с трех лет. Четырех-пятилетние уже могут участвовать в скачках в особых костюмах. Если у них на шапке вышита порхающая бабочка, значит, наездник легок и не утомит своего скакуна. Те, кто выбирает пятиконечную звезду — символ удачи — уверены в своей победе...

Буджав и Цэвэгдорж Пурэв к вечеру встречи сделали в школе уголок Монголии и украсили его национальным орнаментом. Четвертый этаж стал очень популярен в школе.

— Ну-ка, прочти это слово! — можно услышать здесь. — А вот и не так. В монгольском языке важно, долгая или короткая гласная, важна интонация... А потом — словно для примера — девочки исполнили две песни на монгольском языке.

Раз-два-три — припев веселого строевого марша монгольских пионеров — непривычно звучал в школе.

В комнате интернациональной дружбы на самом видном месте — знамя. Его привез из 33 школы имени города Москвы, из Улан-Батора, почетный гость, генерал Санжын Батаа,

заместитель председателя Президиума Великого Народного хурала. Дружина 509 школы борется за право носить имя Сухэ-Батора, основателя монгольской народно-революционной партии.

Рядом с пионерским значком у каждого ученика приколот значок общества монголо-советской дружбы: школа—коллективный член этого общества.

Рассказывает Сандаг-Очир, секретарь комитета Ленинградского Ревсомола:

— В Монголии пионеров зовут сухэбаторцами. Сухэбаторцы считают, что у них должно быть пять достоинств: отличный труд, образцовая гигиена, безупречное поведение, ловкость и прилежность.

Монгольской Народной республике сорок пять лет. Первый революционный союз детей основан 8 мая 1925 года.

Когда я вижу, с каким интересом слушают ленинградцы о жизни их монгольских сверстников, я вспоминаю родной дом. Так же нетерпеливо ждут моих рассказов о советских ребятах сухэбаторцы. Особенно те, кто еще не побывал в советской стране.

У наших пионеров одинаковый с вашим ответ на призыв «Будь готов!». «Всегда готов!»— отвечают юные монголы. Пионерская форма сухэбаторцев похожа на вашу. Только на значке под пламенем пионерского костра— саёмба, знак независимости страны, национальная эмблема. Такая же, как на государственном флаге и на значке общества дружбы.

Надеюсь, вы будете дружить так же верно и долго, как наши страны. В 509 школе Ленинграда есть уголок дружбы с Монголией, и здесь мы уже не чувствуем себя гостями.

Этот номер журнала я пошлю в школу, где учился. Пусть ребята увидят, как интересуются маленькой Монголией дети великого Советского Союза.

Есть у меня на родине такая пословица— «Дружба—лучшая из наук». Да здравствует дружба! Найрамдал!

ПОСЛОВИЦЫ

Имеешь друзей—широк, как степь. Не имеешь—узок, как ладонь.

(Монгольская)

Один в поле не воин.

(Русская)

Человек познается в дружбе, конь—в езде.

(Монгольская)

Конь узнается при горé, а друг—при беде.

(Русская)

Адрес для переписки:

Улаанбаатор хотын
Найрамдалын районы
Баатар хот Москвашйн нэрэмжит 33 дугаар
сургуулиас

МИХАИЛ ЛУКОНИН

Весной 1944 года, после трех лет войны, наша танковая часть вместе с другими войсками подступила к границе. После освобождения города Сороки (Молдавия) мы несколько часов стояли у моста через Прут и смотрели, как бегут, едут, ползут немецкие войска в Румынию. Потом наши войска двинулись в тот самый победный поход до Берлина, который принес свободу Европе.

А нашу гвардейскую танковую армию, которой командовал маршал Ротмистров, после прохода границы опять погрузили в эшелоны, мы ехали обратно, через поля, которые проходили с боями, видели, как снова поднимается трава, отрастают ветви, как пробивается жизнь.

Выгрузились под Минском, и

опять в танки. Освобожден Минск! Вот мы и в Вильнюсе. Немецкая орда, огрызаясь, покатила к Риге. Идут тяжелые бои. А я все это время не могу выйти из странного состояния, захватившего меня дорогой, как будто я заболел — днем и ночью видятся лица, слова сходятся в строчки. У меня действительно поднялась температура, и подполковник — мой командир — оставил меня «отдышаться» в домике на окраине литовского города Шауляй, а танки направились к Риге.

Прошло с той поры двадцать пять лет, а все помню, как я лихорадочно записывал строки. Первыми были те, которые вы сейчас читаете:

«Лет восьми я узнал, что родился в России...»

С этого и началась моя работа над поэмой. Хорошая литовская семья кормила меня десять дней, а я, уснув часа на два, снова садился к бумаге, спал урывками и снова садился к столу, не разбирая ни дня ни ночи.

Когда явился в часть, поэма была закончена вчерне. Урывками я дописывал ее в каждую свободную минуту, а потом уже, когда мы вошли в Пруссию и погнались немцев к Берлину, меня командир оставил еще на неделю в догорающем после боя городке Остероде, где я опять ушел с головой в поэму.

Через неделю за мной приехали — наши были уже под Ште-

тином. Мы подъезжали к месту, когда я спохватился, что потерял вещмешок, набитый рукописями. Пришлось развернуться и ехать назад. По дороге мы ходили по горящим городкам, заглядывали в дома, брошенные бежавшими немцами — разве найдешь потерю? Сто, двести километров; город, еще город; дом, еще дом — и вот она лежит, моя поэма, на рояле в дымящемся доме!

Это было уже весной 1945 года, накануне победы.

Поэма «Дорога к миру» была напечатана в 1951 году в журнале «Новый мир» и много раз переиздавалась.

*Мих.
Луконин*

ДОРОГА К МИРУ

(из поэмы)

...Лет восьми

я узнал, что родился в России.

Пастухом,

прогоняя коров на рассвете,
Мимо мира, где травы парные косили.
Мне об этом шепнул набегающий ветер,
И звезды тогда рассыпались тут же,
Под крышами рассыпались птицы,
И я боялся бегать по лужам,

Чтоб в небе

нечаянно

не провалиться.

А мне говорили, что неба немало!
Что мир на России не сходится клином.
И за граница предо мною витала
Французскою булкой,

немецкой машиной.

Я не спал иногда, распаленный, в обиде,

Я тихонько сжимал обомлевшие веки,
Чтобы только хоть ненадолго увидеть
Чужеземные страны,

чужеводные реки...

Но вражья каска в огороде ржавела,
И сшили узду из трофейного ранца,
И мне не нравилось рыжее тело,
Гнилые зубы пленного иностранца.
Ночи неясными снами грозили.

Думал я:

но родись я в стране иностранной,
Я б тогда ни за что не увидел России,
Был бы я у чужих,

не увиделся б с мамой.

Я бы не бегал за телегой вдогонку,
Не побывал бы на заревом сенокосе,
Никогда не увидел бы нашу доенку,
И свинцовые волны на Волге под осень...

Я забывал в ту минуту охотно,
Что сестры мои — задиры и злючки,
Что доенка не слушается,

бегает к копнам,

А поле,

если бежать,—

подставляет колючки,

Я прощал это все!

Забирался на крышу
Смотреть, как закат опускается, розов,
Там мне ветер,

тот, что пшеницу колышет,

Погладит голову, тихо высушит слезы.

Ветер тянет дымок,

мне лицо утирает.

Это ветер степной, он ответит, только спроси я:
— А где я родился? —

И ветер от края до края,

От колоса к колосу шепчет:

«Россия... Россия...»

В семнадцать,

слепое волнение осилив,

Шептал я косичке, закрученной туго:

— Хорошо, что мы оба родились в России!

Ведь мы же

могли

не увидеть друг друга!..

И я полюбил Россию, как маму.

Полюбил,

как любимую любят, однажды.

Полюбил,

как парус, набитый ветрами,

Как любят воду,

умирая от жажды...

Рисунок А. Алексеева

Олег Орлов

Рисунки С. Острова

ПАРУСА В ЖЕЛТОМ МОРЕ

Первый настоящий парусник я увидел далеко от Ленинграда, в Желтом море.

Было мне тогда шестнадцать лет, и плавал я на большом грузопассажирском теплоходе «Ильич», ходившем из Владивостока в Порт-Артур и обратно с заходом в корейский порт Кейджо.

В Порт-Артуре я заболел и был списан на берег в госпиталь.

Поправлялся я трудно, и когда начал ходить, вышел однажды утром прямо к морю.

Море было спокойное и светлое почти до самых ри-

фовых барьеров, где оно чуть синело под легким ветром, дувшим с тропиков.

Был отлив, и базальтовые отмели на добрый километр блестяли лужами сошедшей воды, и там двигались фигурки людей в больших соломенных шляпах широчайшим конусом, люди собирали водоросли и морскую мелкоту, не умеющую уходить с отливом.

Солнце было еще не высоко, но уже чувствовалось, что днем будет жарко, и галька, холодная и влажная снизу, сверху уже была сухой и теплела.

С полчаса я шел без цели вдоль берега, потом спу-

стился к отливным отмелям и, взглядевшись, увидел, как за коралловым барьером, становясь все четче, белой горой нежнейших облаков медленно вырисовываются и растут, еще медленнее продвигаясь к востоку, паруса большого корабля.

Корпуса его не было видно, он был за выпуклостью моря, — только ряды верхних парусов, — и от этого картина была еще чудесней.

За моей спиной, в нескольких сотнях шагов была великолепная гостиница с телефоном, искусственным ветерком вентиляторов, блеском протертых зеркальных стекол, представительной медью решеток, ручек, прутьев, придерживающих ковровые дорожки; гостиница, к подъездам которой ежеминутно подкатывали отлакированные, как шкатулка, легковые автомобили; в трех километрах — аэродром; в пяти — огромный южный порт с рейдом, полным тысячетонных теплоходов — черных, белых, многоэтажных.

За моей спиной, я еще смутно понимал это тогда, был и оставался двадцатый век.

И вдруг увидеть этот белый призрак, несущий свои хлопчатобумажные паруса, может быть, из Индии, видевший сингалезов Цейлона или папуасов Новой Гвинеи, мальгашей Мадагаскара...

Словно смутный отголосок прошлого, обломок эпохи чайных клипперов, пергаментной бумаги, толстых бутылок с ромом и скрещенных костей...

«Что они увидят завтра, — подумал я тогда, — через неделю, месяц? Бамбуки Японии? Тонкие пальмы Ниуэ? Гавайи?»

Я пожелал тогда доброй дороги этим бродягам уходящего призрака.

Потом солнце поднялось выше, камни, песок стали горячий, вода — прозрачней.

И белый призрак растаял, удаляясь и уменьшаясь на чистом, заголубевшем небе.

НОРД-ВЕСТ

Норд-вест это направление на северо-запад. Еще так называют ветер Атлантики, холодный, сильный, необозримый. Писатель Виктор Гюго окрестил норд-вест «ветром галерников — злобным и яростным...»

А еще так назвали небольшую двухмачтовую яхту-кач. Такое имя ей дал ее прежний капитан, смелый парнишка с немигающими глазами.

Он готовил «Норд-Вест» для перехода через Атлантический океан; хотел проплыть от Кронштадта до берегов Северной Америки, чтобы испытать, на что годны они оба, корабль и он, человек.

Но потом он женился, планы его сильно переменились, и он ушел из яхт-клуба, а его яхту передали мне.

Название ее мне понравилось, и я не стал менять его, хотя и звучало оно как вызов всем ветрам и океанам, а плавать предстояло не так уж далеко.

Нравилась мне и сама яхта.

Конечно, семь метров от носа до кормы и два метра от борта до борта — не так уж много, но суденышко это было неплохо задумано и крепко сделано, и все на нем было на месте.

На случай штормов и дождевых шквалов было припасено три комплекта непромокаемой одежды и «сбруя» — страховочный пояс с трехметровым концом и захватывающим карабином, которым полагалось цепляться за что придется на палубе, чтобы не свалиться с яхты в море.

В каюте можно было сидеть шестерым и спать, если понадобится, троим. Да еще одна запасная койка располагалась под палубой в носу, в форпике.

Иллюминаторы были литые, бронзовые и занавешивались в каюте зелеными занавесками, так что в солнечные жаркие дни очень было уютно лежать на койке и почитать что-нибудь о самых невероятных морских приключениях.

Стол был съёмный, подвесной, на цепочках, с бортиками, чтобы не скатывались на пол стаканы, или забытые яблоки, или что-нибудь еще.

Форштвень яхты был вырублен из килевой балки старинного, печально окончившего когда-то свой путь на отмелях Вольного острова парусника, а это само по себе было вернейшим знаком счастливого существования «Норд-Веста» на воде многие годы...

Ночью можно было нести, как положено, бортовые и топовый, верхний, огни, да и в каюте лампочки горели от аккумулятора. На газовой плите всегда можно было приготовить что-нибудь горячее, а для дальних плаваний «Норд-Вест» способен был взять сто пятьдесят литров воды и семьсот килограммов груза, еды и снаряжения.

Ко всему прочему добавлю еще, что вся оснастка была приспособлена так, что управиться с парусами в любую погоду мог один человек...

Словом, отличная яхта. Мечта, а не яхта.

Когда я узнал ее поближе и походил на ней в восьмibalльный ветер, скажи мне кто-нибудь: «Плыви-ка ты, друг, вокруг света...», да наполни он Норд-Вестову утробу консервами да прочими припасами, — я бы поплыл, честное слово...

ДЖЕРРИ — МОРСКОЙ ВОЛЧОНОК

Джерри мне подарили.

Джерри — это щенок немецкой овчарки. Его принесли мне, когда «Норд-Вест» стоял на суше и до теплых дней было еще далеко.

От роду ему был месяц. На немецкую овчарку он был совсем не похож. Уши висели подобно двум длинным черным тряпочкам, лапы были толстые, хвост тонкий, а сам щенок черный-пречерный.

Я даже подумал, что это и не овчарка вовсе, но мне сказали, что овчарка, и принесли его родословную, где было сказано, что это уж точно овчарка, и что отец его и мать были овчарками, и бабушка с дедушкой — овчарки, и даже прапрадедушка и прапрабабушка. Так что я успокоился.

А когда «Норд-Вест» спустили на воду и Джерри исполнилось три месяца, каждый мог убедиться, что это настоящая немецкая овчарка.

Мордочка, грудь и кончики лап у него побелели, хвост стал не хвост, а настоящий хвостик, подметающий землю, а ушки встали настороженными треугольничками, причем левое ухо торчало почему-то чуть-чуть в сторону, что, наверное, по собачьим понятиям о красоте, должно было придавать его физиономии особую элегантность.

Ко всему прочему, он был весьма сообразителен и смел для своих трех месяцев. Отобрать у него что-нибудь было совершенно невозможно. Всякую щепочку, или найденный им лоскуток, или старую подметку он

защищал отчаянно, а зубы у него были острые, как у щуки.

Словом, это был щенок, подававший большие надежды.

Сначала мои знакомые всерьез его за собаку не принимали.

Помню, с «Зари», большой крейсерской яхты, на палубе которой можно было бы свободно танцевать трем парам и еще хватило бы места для небольшого оркестра, пришел капитан. Он протянул Джерри конфету и глубокомысленно изрек: «Чтобы учить собаку, нужно быть умнее ее».

Потом к нам приходили знакомиться подряд со всех яхт, и я даже подумал, что все яхтсмены в душе гораздо более собачники, чем моряки, такие глубокие познания в собачьем деле они обнаруживали.

Борис с «Дюймовочки» выложил перед Джерри большой кусок засохшего сыра и, как подобает студенту, отпустил что-то по-латыни.

Боцман Федор Владимирович, по прозвищу Нихт ферштеен, презентовал нам очень хороший старинный ошейник и добавил назидательно: «Дрессируй, но не до смерти...»

Так и несли нам: колбасу, сладкие булки, бычков в томате, латинские изречения, анекдоты и всякие героические собачьи истории...

В первый выход «Норд-Веста» Джерри оконфузился и стравил на палубу весь завтрак, но постепенно привык к качке и держался за палубу своими четырьмя лапами довольно крепко.

А когда он разок свалился в воду на ходу при большем крене, получив таким образом настоящее морское крещение, и был выловлен мною за шиворот и завернут во все сухие куртки во избежание простуды, я решил, что Джерри отныне будет не просто Джерри, но Джерри — морской волчонок.

АЛЕШКА

Возле киля «Норд-Веста», стоявшего на суше, я увидел мальчишку. Он разглядывал яхту и думал неизвестно о чем.

— Чего тебе здесь, под яхтой, нужно? — спросил его я, оглядывая выпрямившуюся тощую фигуру во фланелевке с чужого плеча, в старых потертых брюках и видавших виды кедах.

— А ничего... Тяжелая эта штука?

— Киль? Полтонны...

— Это чтобы лодка не опрокинулась?

— Ага. Только это не лодка, а яхта.

— А-а...

На этом наш первый разговор закончился.

На другой день мальчишка пришел, когда я с циклевкой ползал под яхтой, обдирая старую краску.

— Давайте помогу, — сказал он.

— Помоги, — сказал я.

— Меня Алешкой зовут.

— Очень приятно, — и я назвал свое имя.

Так мы познакомились.

Алешка был детдомовец. Сейчас он уже ушел из детдома, учился на повара и работал в ресторане поваренком.

Никого у него не было. Была сестра, но к ней он не ходил, потому что, когда заезжал раньше в гости, муж сестры всегда прятал со стола в шкаф сахар и яблоки.

Жил Алешка на стипендию, потому подарил я Алешке свой не новый, правда, но хороший и крепкий буш-

лат, пару рубашек и две книжки Джека Лондона, которые перевернули его простодушные понятия о литературе, воспитанные в основном на детективах.

Алешка мне нравился.

Сначала я подшучивал над ним немного: «Алешка! Руль за краспицы зацепился, надо бы отцепить...» «Есть отцепить!» И Алешка начинал стягивать свою застиранную фланелевку, собираясь нырять и отцеплять руль, не зная, что краспицы находятся на мачте и такого быть не может, чтобы руль за них зацепился, и что это розыгрыш, вроде того, как посылают зеленых салажат на флоте осаживать молотком многопудовые кнехты или затачивать напильником якорные лапы...

Подсовывал я ему сперва самую неблагоприятную работу, но Алешка терпел и делал все так, что переделывать было не нужно.

Парусную науку Алешка постигал быстро, хотя долго не мог понять, как это яхта может ходить против ветра...

Приучил я его помалкивать на воде, все замечать, не плыть против ветра и не спускать босые ноги с борта, что считается верхом морской расхлябанности.

А когда преподавал я ему кое-что из курса штурмана каботажного плавания и научил следить за ветром, волной и топляками, коварно скрывающими свои зачугуневшие в воде головы, стал я доверять Алешке на заливе румпель «Норд-Веста».

О ЯХТАХ И ЛЮДЯХ

Яхты, как и люди, все разные, и в каждой яхте есть что-то от характера и облика тех, кто на ней ходит.

Смотрю я вдоль бона и по хлыстам мачт узнаю суда.

Первой от берега — голубая «Куба», старенькая, чистая, щеголеватая. Все на ней в чехлах, все на месте, все начищено; даже коврик на причальном боне брошен — ноги вытирать, прежде чем ступить на палубу.

И Георгий Иванович, капитан, ей под стать — пожилой, всегда в чистой одежде, всегда выбритый, всегда старающийся казаться морским волком, но никакой не морской волк, а просто Георгий Иванович, добрейший, романтической души человек, очень даже домосед, но влюбленный во все морское; и если качнуть его «Кубу» в середине лета с борта на борт, то увидишь, что здо-

рово обросла она зеленой бородой снизу — верный знак неподвижной жизни...

Следующий — мой «Норд-Вест».

Две его мачты сильно наклонены назад, бушприт на полтора метра вытянут вперед, словно зуб у меч-рыбы. Бушприт — как будто предупреждение: «Не подходи — пропорю насквозь...»

Был с «Норд-Вестом» такой случай.

Шел он своим курсом, как и полагается парусному судну, и имел все права дороги, а ему на пересечение — валкий мотобот — дача.

Дернул я разок ручную сирену. Мотобот идет себе.

Крикнул я рулевому и отмаху дал рукой, чтобы он взял левее меня, потому что сам я влево уйти не могу — мелко, а вправо меня ветер не пускает.

Но, видно, сидела там на руле какая-то абсолютно ни в чем не разбирающаяся сухопутная крыса, напавшая фуражку с крабом и не понимающая, что моторка должна при всех обстоятельствах давать дорогу парусным судам, потому что парусник волен в открытом море, а в узкостях, фарватерах и каналах всегда стеснен берегами, ветром или течением; и тогда «Норд-Вест» рубанул его в борт своим окованным нержавеющей сталью форштевнем, сбросил дубовым бушпритом проектор с рубки и еще наделал кое-какое безобразие своей двухтонной массой, так что мотобот завертелся, мотор его зачихал и заглох, и долго потом с его кормы толстяк с багровым лицом бранился и вздымал кулаки к небу, а «Норд-Вест» летел себе вперед и только немного чужой краски на штевне да две царапины на конце бушприта нашел я после этой встречи.

Но «Норд-Вест» не щеголеватая яхта. На ней живут, спят, готовят пищу, отдыхают. Потому и сушатся иногда на гике и леерах простыни, полотенца, джинсы и майки его команды, и Джеррина миска всегда стоит у бизань-мачты, и печная труба выведена сквозь палубу возле каюты, потому что обитаем «Норд-Вест» до тех пор, пока в конце октября не начнутся первые заморозки.

Зато трудно найти суденышко надежней и мореходней «Норд-Веста».

Палуба по отношению ко всей длине широкая, свесы короткие.

У гоночных яхт длинные свесы, то есть корма и нос далеко выдаются над водой. Это первый признак немореходности судна.

У мореходного судна штевни почти отвесно выходят из воды.

Спасательную шлюпку видел и знает каждый. Шлюпка — пример истинно мореходного судна. С виду она неуклюжа и тяжела. Но нет ничего надежней шлюпки при настоящей волне и настоящем ветре. Недаром же шлюпка — спасательное средство. И ох как много мо-

ряков уже оценило ее пузатые обводы и тупой нос, проделав после гибели своих кораблей тысячи миль на веслах и под парусами на спасательных шлюпках, пока не достигали какой-нибудь земли...

За «Норд-Вестом» стоит «Волхов», большая красно-деревяная яхта-компромисс, то есть наполовину яхта, наполовину легкий швертбот.

Тонкий плавник-шверт пропущен сквозь балластный киль и может подбираться на мелях.

На «Волхове» плавают совершеннейшие растяпы.

Надеются они больше на мотор, чем на парус. А для парусника надеяться на мотор — последнее дело...

И точно — однажды возвращаются они со странно укороченной мачтой.

Оказывается, идя под мотором, капитан забыл, что над его головой возносится одиннадцатиметровое дерево мачты, и задел где-то на Неве, возвращаясь с Ладожского озера, за пролет моста. Грот-мачта, конечно, по самые нижние краспицы рухнула на палубу...

За «Волховом» — крошечная «Дюймовочка». Ее сами построили двое ребят, Борька и Витька.

Когда начинали строить, — были еще мальчишками, а сейчас уже учатся в кораблестроительном институте.

Но и на крошечной «Дюймовочке» Борька с Витькой побывали везде: и за Толбухиным маяком, и у Стирсуддена, и в Зеленогорске. А так как осадка у «Дюймовочки» по колено человеку, то и смогли они исследовать самые коварные на заливе мели, от которых большие яхты держатся подальше.

Идешь, бывало, на «Норд-Весте» мимо Кировского стадиона, — а от него в залив длинная и пакостная мель выдается, и всякий раз при разной высоте воды трудно учесть, как далеко она выходит, — и видишь: стоит «Дюймовочка» на боку, а Витька с Борькой, засучив штаны, шлепают по мели и веслом промеряют, где глубже, а потом «Дюймовочку» спокойно на руках переносят — она у них вместе со спальными мешками и буханкой хлеба не больше ста килограммов весит.

КЛИВЕР ПОДНЯТ!

«Кливер поднят!» — так говорили в старину.

Это означало, что все счета с сушей окончены.

Кливер был словно флаг, означающий для посвященных: «Мы уходим в открытое море. Если мы кому задолжали, приходите, завтра будет поздно, причал опустет, а мы будем далеко...»

Кливер — самый маленький и самый первый, считая от кончика бушприта, парус. По нему судят о силе ветра и его направлении, а если корабль стоит на якоре, кливер поможет кораблю забрать ход и матросы легко выберут якорь.

В давние времена, когда Магеллану или Крузенштерну докладывали, что кливер поднят, они, наверное, раскуривали свою любимую трубку, прихватывали для капитанской солидности подзорную трубу и, выбравшись на палубу, начинали уже командовать всерьез.

И совсем как в добрые старые времена, Алешка кричит мне с бака: «Кливер поднят, капитан!»

Сегодня мы собираемся сходить в Петергоф, где ни Алешка, ни Джерри еще не бывали.

Только что прошел дождь. По тросам еще скользят светлые капли. Вся яхта дочищена вымыта дождем, иссякающие ручейки стекают из бортовых шпигатов.

Тучи уходят к востоку, а нам плыть на юго-запад. Там небо чистое и угадывается, что к вечеру задует ровный, хороший ветер.

— Поднять грот и бизань, — говорю я Алешке.

Очень приятно смотреть, как ползут вверх белые паруса. Первым — большой треугольный грот, за ним — маленькая бизань. И вообще очень приятна эта минута перед отходом. Хоть и недалекое плавание, но все равно море, а оно ничуть не изменилось со времен Колумба. И якорные канаты пахнут так же — мокрой пенькой, и водоросли на них налипают те же — темно-зеленые, ослизлые.

Эх, жаль, нет у меня курительной трубки и старинной подзорной трубы...

А ну-ка, Джерри, морской волчонок, посмотри, не забыли ли мы на берегу твою драгоценную миску? А ты, Алешка, наполнил ли свежей водой наши бочонки? Если все в порядке, можно и отчаливать...

ВЫХОДИМ В ЗАЛИВ

Одно дело — приезжать в Петергоф автобусом, или в электричке, или подлетать на «Ракете», из окон которой толком-то и не разберешь, проскакал ли по волнам или вообще перелетел по воздуху...

Но совсем другое — идти в Петергоф под парусами...

А идти нужно так. Едва поравняется яхта правым бортом с Лахмой и завидит рулевой справа красный буй,

ва красный буй, поворачивать нужно градусов на восемьдесят влево, это на глазок, если идешь без компаса, а так как места здесь знакомые, редко на Маркизовой луже пользуются компасом, разве что ночью или в тумане...

Если ветерок дует ничего себе и яхта бежит, делая узлов восемь-девять, через час впереди по носу станет обозначаться трехглавая масса петергофского собора. Тут уж держи, рулевой, на этот собор, не промахнешься.

Вот только от направления ветра зависит многое.

Если ветер дует от Кронштадта, ничего не может быть лучше, — закладывая один галс, то есть разворачивая яхту и ставь паруса так, чтобы идти если не совсем против ветра, то под углом к ветру, чтобы ветер дул в скулу, в борт яхты, — и тебе не придется притрагиваться к парусам до самого Петергофа.

Если ты вышел рано утром и тянет береговой бриз, тоже хорошо: дойдешь до Петергофа одним левым галсом — ветер будет дуть в левый борт, в левую щеку рулевому, а выпел будет тянуть по ветру вправо; говоря по-старинному, по-морскому: «Ветер из компаса, зюйд-остовой четверти, в левый крамбол...» И полавировать при таком ветре придется только при входе в фарватер.

Если ветер южный, тоже не горюй, против ветра яхта бежит отлично, только пеной от крупных волн поддает на палубу. Но уж тут придется поработать с парусами и заложить до Петергофа несколько галсов...

Хуже, если ветер северный, попутный. В попутный-то ветер, фордевиндом, яхта идет хуже всего, рыскает. А если еще приходится убежать от попутной высокой волны, — не зевай: может закинуть корму, сбить с курса, перебросить грот, порвать ванты или поломать гик.

Самый нервный для рулевого курс — фордевинд... И за курсом следи, и за волной, и за ветром, и за парусами. Да еще и чтобы кто-нибудь из команды не оступился и за борт не полетел, — придется тогда самый неприятный поворот производить, «через фордевинд», когда яхта пересекает линию направления ветра кормой.

Но сегодня ветер как по заказу — от Кронштадта. И чем дальше мы уходим, тем сильнее жмет в паруса.

Уже на полпути меняем большой стаксель на малый и убираем кливер.

Все равно яхта идет с сильным креном, так что, когда я спускаюсь в каюту выпить из термоса кофе, вода шипит у иллюминаторов, и в каюте то светлеет, то темнеет от волн, набегающих на подветренную часть палубы.

— Прямо по носу — петергофский собор! — кричит Алешка. — Как держать?

— Держи градусов на десять к западу.

Хорошо сегодня на заливе. Паруса видны и там и здесь. То и дело нам встречаются или обгоняют нас пароходы и теплоходы. С одного нас фотографируют, с

другого что-то кричат хором, с третьего машут платочком, на четвертый неизвестно почему лает Джерри, почуввав, должно быть, камбузного нахального кота...

Чайки качаются на слепящих солнцем волнах, взлетают, двигают головками вверх-вниз, высматривают рыбу, кричат не по-птичьи...

Вот и причалы петергофские видны. Справа нам приставать нельзя, там пассажирская пристань, наше место слева, у каменной насыпи.

Теперь, Алешка, дай мне руль и иди к грот-мачте. Да не зевай, потому что много яхт жмется около насыпи. Тесно. Подойти нужно точно, никого не протаранив и не поцарапав. Не оконфузиться, не промахнуться.

Одной рукой я держу румпель, другой убираю бизань.

Парус, хлопнув два раза, обвисает и падает складками.

Якорь уже наготове за кормой, волочит лапами в воде, но бросать его еще не время, не хватит каната дотянуть до насыпи.

Без бизани яхта уже идет тише.

— Эй, на фалах, не зевай!

— Есть на фалах...

— Стаксель пошел вниз!

Падает, свистя по стальному тросу защелками-карабинами, стаксель, и Алешка подбирает его, мнет в ком, чтобы не трепало ветром.

Я потравливаю грота-шкоты, и яхта совсем сбавляет ход, грот чуть тянет, заполоскавая.

— На грота-фалах!

— Есть...

До насыпи остается чуть больше четверти кабельтова. Якорь с брызгами уходит в воду, и вслед за ним бежит толстый, в руку толщиной, канат. Десять, двадцать, тридцать метров каната... По его напряжению я чувствую, что лапы якоря забрали за грунт.

— Пошел грот вниз! — кричу я Алешке.

Молодец, Алешка! Кое-чему научился.

Теперь остается только завести носовой конец, вывести по бортам мягкие кранцы — чтобы борта не поцарапать, свернуть и увязать паруса, прибрать с палубы все лишнее и — команда свободна.

Джерри остается стеречь «Норд-Вест», а мы с Алешкой отправляемся в парк к фонтанам, к пляжу, где так тревожаще пахнет водорослями, к дворцу Марли, где тонкие синие стрекозы висят над рыбными прудами, к старинному грушевому саду, где стены и насыпи выложены кривыми от времени маленькими кирпичиками, к чистым, быстрым ручьям, где змеятся зеленые нити и листья гладко вытянуты в одну сторону и где можно напиться холодной воды, к беседкам и ловушкам, где можно неожиданно вымокнуть от ловко пущенного на вас душа, придуманного еще во время Екатерины на потеху вельможам.

ПЛАВАНИЕ НОЧЬЮ

Мы здорово устали, но было решено не оставаться на ночь на рейде Петергофа, а вернуться домой в тот же вечер, хотя было уже поздно.

Ветер слабел, но я рассчитывал, что он не спадет совсем и мы доберемся без приключений.

Медленно уходил за кормой берег.

Красное солнце село в сиреневые облака. Вечерний бриз дохнул нехотя, подул немного, вытягивая за кормой «Норд-Веста» длинную дорожку, и стих совсем.

«Норд-Вест» закачался на зыби, хлопая парусами и размахивая гиком слева направо и справа налево.

Еще бы минут сорок, хотя бы с полчаса, чтобы подобраться поближе к лахтинскому берегу...

Нет. Ни дуновения.

Хорошо хоть, в приемнике слышится что-то веселое, а то бы и совсем бесприсутно показалось на заливе.

Вон возвращаются теплоходы, освещенные огнями, быстрые.

Через двадцать минут толпы людей выйдут из них на набережные, вернутся домой, к ужину, к телевизорам, к постели, а нам придется, наверное, ночевать здесь.

— Иди спать, Алешка, я посижу пока на руле, подожду, может быть, и подует...

Но Алешка не хочет спать, он никогда не видел города с залива ночью.

Джерри — тот дремлет себе преспокойно на спасательном пробковом матрасе, и ночные красоты его не трогают.

Впрочем, он нет-нет да и поднимет свою остроухую голову, приносясь. Чует, наверное, далекий, не долетевший еще до нас ветерок.

Ночь смешала все привычные направления. Нет ни Исаакия, ни Петропавловского шпиля, ни высоких портовых кранов, ни новой телевизионной башни. Нет белых, бетонных, далеко видимых с моря свай около Новой Деревни, нет ровного возвышения Кировского стадиона. Есть только одна, мерцающая белым, голубым и розовым, электрическая шапка над городом, и, глядя на нее, сквозь это волшебное сияние, начинаешь пости-

гать, какой он громадный, этот город, какое великое множество народа живет в нем.

Совсем темнеет, и набегают ветер. Алешка, очнувшись, говорит, что теперь он совершенно не знает, в какой стороне наш фарватер...

Эх, Алешка, салажонок... Видишь, вон горит рубиновыми бусинками вертикальная ниточка? Совсем вроде бы и недалеко...

А как дунул ветер! Чего доброго, налетят и шквалы... Долой бизань-стаксель, и кливер долой! Ты еще не входил ночью в фарватер? Нелегкое это дело, но попробуем...

А «Норд-Вест» летит уже, ровно напрягшись, тянет к дому, вспарывая обгоняемую им волну.

Алешку я посылаю на бак, чтобы он зорко смотрел вперед и не проглядел красный огонек входного буйа, делающего проблески через каждые три секунды.

— Есть! — кричит Алешка через несколько минут. — Вижу красный огонь!

Вижу красный огонь и я, выправляю курс, чтобы обойти буй с юга.

Очень уж здесь предательские места, мели со всех сторон. Днем и то иногда ткнешься килем в песок, а уж ночью...

Да еще и ветер задул вдруг в полную силу, чтобы швырнуть нас на мель, поддать волной, выкинуть в прибрежные плавни...

— Есть! — кричит Алешка. — Веха!

Веха быстро возникает почти у самого борта. Веха нордовая, северная, — мы опасно близко залезли к берегу.

— Вижу, — отвечаю я, разворачивая «Норд-Вест», — смотри, Алешка, следующую пару.

И другая пара вех рождается вдруг из темноты пугающе близко и в то же время радуя нас тем, что мы можем, определившись, двигаться дальше.

Зато третьей пары вех нет и нет. Может быть, прошли ее совсем? Как бы там ни было, я теперь держу прямо на огни стадиона.

— Веха! И вон там еще одна!

Две вехи почти рядом — самое узкое и неприятное место фарватера, потому что где-то сейчас справа по курсу — не песок, а камни.

Словно одни ворота за другими в заколдованное ночное царство открывают нам эти вехи, и мы уходим все дальше и дальше.

Вот уж и черная неровная полоса деревьев кажется близкой.

И через двадцать минут мы бросаем якорь неподалеку от берега в своем Гребном канале и падаем в полном изнеможении на койки и спим без всяких сновидений, пока солнце не заглядывает в иллюминаторы.

ГЕОРГИИ ИВАНОВИЧ

Георгий Иванович ходит на «Кубе».

«Куба» — отличный гонщик, и в свежий ветер может обставлять «драконы», быстроходные открытые яхты.

Но «Куба» плавает редко. Георгий Иванович считает себя стариком, хорошая команда у него подбирается не часто, и он больше любит пить чай на свежем воздухе.

Ему доставляет удовольствие не плавать, а отдыхать на яхте и наводить на ней чистоту и что-нибудь доделывать и переделывать.

«Достал отличный данфортский якорь...» — сообщает он мне очень радостно и демонстрирует, как якорь держит на грунте.

По-моему, якорь маловат для его яхты, это просто красивая легкая игрушка, годящаяся для байдарки, но я

молчу: мне нравится искренняя радость Георгия Ивановича.

Неделю назад он так же радовался штормовой отяжке гика, а потом гик перебрало у него в очень тихую погоду, посадив на затылке одного из гостей здоровую шишку...

Позавчера он поведал мне, что заказал баки из алюминия на сто литров. «Уж не собираетесь ли вы, Георгий Иванович, махнуть через Атлантику?» Но Георгий Иванович не обижается. Он добрый, умный, обязательный. Если что пообещает, — достанет и принесет.

«Норд-Весту» он подарил прозрачные планшеты для морских карт, которые купил во Франции, пару новых оковок для иллюминаторов и большой кусок нейлонового троса.

Вообще Георгий Иванович человек начитанный и образованный, и работает он в каком-то министерстве.

И хотя на «Кубе» Георгий Иванович выходит редко, случаются с ним разные приключения.

— Знаете, — рассказывает он мне, — вчера сижу спокойно и слушаю музыку. Вдруг — страшнейший удар! В подводную часть... Ну, думаю, мина подо мной взорвалась... Термос мой упал со столика и — вдребезги. Выскакиваю. Оказывается, на «Амуре» штурвальный трос лопнул и они мне с ходу врезались в корму. Но с «Кубой» — ничего. Если бы борт был металлическим — была бы дыра, а дерево спружинило.

— Плавать нужно, — говорю я, — в море с вами ничего бы не случилось, а здесь, чего доброго, и потопить могут...

— Куда уж мне, старику, плавать. Склероз, ревматизм... Я уж лучше здесь, на природе, чаёк попью...

Георгий Иванович очень забывчив и все что-нибудь теряет. То якорь потеряет, то очки, а то даже тузик с яхты потерял на ходу, хороший тузик, дубовый.

Каждое такое приключение недели на две, на три отбивает у него охоту к плаванию, и он пьет чай...

Зато когда Георгий Иванович надумает выходить, — со всех яхт и катеров, стоящих поблизости у бонов, созерцают это примечательнейшее событие.

— Куда, Георгий Иванович?

— Хочу сходить в Зеленогорск. Ветерок вроде бы ничего потянул...

Команда у Георгия Ивановича, как всегда, случайная: дачники, не знающие, за что хвататься, и, прежде чем выйти, Георгий Иванович, одетый в оранжевый

штормовой костюм, поучает их, где, как и за что тянуть.

Паруса на «Кубе» медленно ползут вверх, якорный канат выбирается, кормовые концы отдаются, и «Куба» медленнее хромой черепахи отходит от причала.

Впрочем, Георгий Иванович суетится и бегаёт с кормы на нос и обратно, бросает руль, кричит на свою команду, отцепляет стаксельшкот, который неизвестно почему зацепился, и, пристроившись на борту, веслом помогает яхте набрать хоть немного хода.

В этот момент налетевший с залива порыв ветра бьет в паруса, «Куба» крепко кренится и мгновенно под ее острым форштевнем вспухает пена.

Георгий Иванович, уронив весло, кидается к румпелю, но, зацепившись неудобным башмаком на толстом каучуке, грохоча биноклем, финским ножом, ракетницей и всем прочим, чем он увешан, как Тартарен из Тараскона, — летит в кокпит, и пока ощупывает там руки-ноги и находит свои очки, «Куба» как сумасшедшая, меняя курс, наводит ужас на глазающие команды других яхт.

Она режет корму «Норд-Весту», со звоном цепляет ванты «Лады», топит буёк «Касатки» и, управляемая, наверное, только святым Николой, покровителем мореплавателей, выходит на простор.

Георгий Иванович к этому времени водружает на место очки и фуражку и, как ни в чем не бывало, делает всем приветственный знак рукой. Здорово это у него выходит...

Мы провожаем его парус и держим между собой пари, гадая, что Георгий Иванович потеряет в этот раз: свою роскошную фуражку с золотым крабом или кого-нибудь из команды.

БРИГАНТИНА

«В флибустьерском дальнем синем море

Бригантина поднимает паруса...»

Так поется в песне. Но вообще-то, как ввел меня в курс дела Георгий Иванович, во времена флибустьеров бригантин не было...

Помните у Жюль Верна? Шхуна-бриг «Пилигрим»... Шхуна-бриг это и есть бригантина. Это помесь шхуны и брига. От брига бригантина позаимствовала его фок-мачту с прямыми парусами и все его лучшие качества — устойчивость на курсе при попутных ветрах, скорость; от шхуны — бизань-мачту и косые паруса и соответственно — возможность остро лавировать против ветра.

Тот, кто задумал бригантину, знал, чего хотел...

Задумал, конечно, не один человек, а усовершенствовали ее десятки лет еще многие мореходы.

И корабль получился превосходный — ходкий, легкий, достаточно вместительный, не требующий большой команды для управления парусами.

А говорю я все это потому, что настоящую, ну самую настоящую, бригантину я не раз видел на воде у маленького островка в Гребном канале.

Бригантину эту построил Рудик. Рудиком его зовут те, кто его хорошо знает, а так он — корабельный архитектор и художник Рудик Пожогин.

Бригантину он строил несколько лет.

Несколько лет всякий проходивший мимо его стапеля мог видеть Рудика в старом бушлате, подпоясанном узким ремешком, и в таком же старом танковом шлеме (вдруг сверху свалится забытый молоток или добрый отрезок трехдюймовой доски), и его бригантину, в которой долго не угадывалось, какой это корабль замыслен.

Трудился Рудик день и ночь и в любую погоду, не ведая ни воскресений, ни отпусков.

Медленно вырастали шпангоуты, словно ребра перевернутого на спину китового скелета. Потом обозначились смело вынесшийся вперед форштевень, и тогда зевачи все чаще стали подходить, ахают, задирают головы, не понимая, но чувствуя, что создается здесь что-то пахнущее историей, дальними путешествиями и легендарными именами.

Делал, в сущности, все Рудик один. Помощники у него иногда появлялись, но помощники обычно больше болтают и покуривают. Так, потюкают топором, просверлят пару дыр, чаще всего не там, где надо, забьют дюжину гвоздей, ушибут молотком палец и пойдут по яхт-клубу погулять, на другие, уже готовые суда поглазеть.

Многие, впрочем, считали Рудика чудачком: кому это нужно — делать старинный парусник? Но Рудик был рад, когда удавалось сделать так, как на старинных чертежах или рисунках.

К концу третьего года формы бригантинны обозначились вполне четко, и с кормы, широкой, развалистой, придерживая в открытых пастях рулевые цепи, глянули две бронзовые львиные морды. Затем Рудик покрасил днище и борта в красный, черный и белый цвета и закончил все, кроме внутренней отделки кают.

На решетчатом баке, в дубовом станке торчала короткая настоящая старинная пушка, на крамболах висели старинные адмиралтейские черные якоря, на полу юте поблескивал медью оковок старинный штурвал. На бригантине был носовой кубрик, небольшая кают-компания, печка для обогрева и сушки одежды, камбуз, штурманская каюта, грузовой трюм и румпельное отделение или ахтерпик.

Следующей весной Рудик поставил мачты, стеньги и бушприт и полностью оснастил бригантину, и однажды я увидел ее под парусами.

Ветер был слабый, и бригантина двигалась очень медленно. Но все равно это было здорово. С тех пор, как я увидел парусник в Желтом море, более прекрасного зрелища я не видывал.

Ветер дул прямо в борт корабля, и бригантина, идя в полветра, здорово дрейфовала. В узком канале ей было тесно. Поэтому Рудик подозвал проходившую мимо моторку, и та оттащила бригантину к выходу в залив, и как она пошла дальше — я в тот раз, к сожалению, не видел.

В следующее воскресенье Рудик поставил бригантину лагом — бортом — к бонам, потому что между бонами она бы не поместилась.

Паруса ее были спущены или взяты на гитовы. Марс, салинги ее, ванты и борта были усеяны пестрой ватагой парней и девочек — друзей и подружек Рудика и подружек и друзей его друзей и подружек. И все они распевали кому что нравилось, бренчали на гитарах и вносили в четкую путаницу снастей совершеннейший беспорядок.

Впрочем, Рудик смотрел на это сквозь пальцы и, казалось, был очень рад, что доставляет столько радости куче веселых людей.

Потом вся эта ватага, наверное, упростила Рудика выйти в море.

Не знаю, как чувствовал себя Рудик, но знаю по себе, что спокойнее всего на душе бывает тогда, когда гостей на твоём корабле находится как можно меньше.

Как бы там ни было, бригантина ушла в залив.

Вернулись они через двое суток, попав в неожиданный налетевший шторм и сев на мель после того, как у них лопнул штуртрос.

Ватага сильно отошла за два дня, так как рассчитывала покатайся пару часиков и снова бренчать на гитарах, и, едва бригантина бросила якорь, все они рысцой двинули в гастрономы и булочные.

А так как Рудик посмеивался, глядя на все это, то я и решил, что все это он устроил им нарочно, чтобы окунулись они в романтику по самые уши. А может быть, и не нарочно, так как хотя и принимает он гостей всегда радушно, но плавает с тех пор всегда только со своей командой.

А команда у него вот такая.

Старпом Серега. Плавал на лесовозе в Канаду. Терпел кораблекрушение близ Ньюфаундленда. Со вкусом произносит слова, вроде: Сент-Джонс-Порт... Отличительный признак — роскошная рыжая борода, как у норвежского шкипера.

Боцман Гешка. Всегда в вязаном колпаке, сдвинутом на нос.

Кок Сашко. За привычку по-пиратски повязывать голову красным платком никем не называется иначе как Негодяй Негоро. На это не обижается. Еду готовит быстро, хотя и не всегда вкусно.

Пригласил однажды Рудик походить на бригантине и меня.

Ветер, как это бывает обычно на Маркизовой луже, разошелся, и волна пошла метра в полтора.

И вот тогда-то мне и приоткрылся смысл названия бригантини — «Тайна», вернее, частица смысла, быть может. Я увидел, что в бригантине проснулось нечто, что дремало так долго. Она накренилась, наветренные ее ванты напряглись до тугого звона, мощно выгнулись паруса, два катящихся вала родились у крутых бортов, то вздымаясь, то опадая чистой белой пеной...

И еще я увидел, что и в Рудике, вцепившемся в спицы штурвала, и в бородатом Сереге, и в боцмане Гешке, и в Негодье Негоро, и во мне самом проснулось то же самое нечто, что дремало в нас где-то глубоко...

Окончание следует

СТИХИ О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ

Мира Алечкович

Что ни день — то опоздание!
Но, беспечный и веселый:
„Полчаса — пустяк! — твердишь ты. —
Не сбегут ни класс, ни школа!“

Что ни день — то полминуты,
ну, а то — и пол-урока...
Что же будет, если все ты
станешь делать после срока?!

Что случится с трактористом,
если, выехав на пашню,
он заснет? — Проедет поле —
ну, а дальше?.. Думать страшно!..

Что случится, если доктор
постучится с опозданием
в двери к тяжелобольному?
Не придет больной в сознание...

Ну, а если целый город
опоздает на работу? —
Что-то страшное случится,
сокрушительное что-то!

Представляешь? — Машинисты
все — медлительные люди...
Ясно: к месту назначения
поезд к сроку не прибудет.

В результате — сто аварий,
десять тысяч столкновений.
Ты и сам погибнуть можешь
из-за чьей-то глупой лени.

Представляешь? — Вот крестьянин...
Опоздал... Под снегом нивы...
Разве люди будут сыты?
Разве люди будут живы?

Представляешь? — Вот рабочий...
Перестанет, скажем, ткать он...
Из чего же будет мама
шить тебе рубашки, платья?

Что случится — ты подумай! —
если, выйдя в океаны,
полчаса проспят на вахте
теплоходов капитаны. —

Покачнутся мачты, трубы,
буря грянет на просторе...

(„Полчаса — пустяк! — твердишь ты. —
Ничего они не стоят!“)

Что случится, если в небе
выключит моторы летчик? —
Он же вместе с экипажем
упадет на землю тотчас!

Все минуты драгоценны!
Полчаса — того дороже!
Станешь неучем — твой трактор
разобьется в бездорожье!

Станешь неучем — ты в жизни
знать своей не будешь цели,
не построишь ты ни дома,
ни дороги, ни тоннеля!..

Перевел с сербскохорватского
В. Торопыгин

Рисунки Б. Семенова

«Дорогая редакция! Пусть в «Совете друзей» выступит путешественник. Пусть он расскажет, каким должен быть путешественник? Какие качества ему нужны. Пусть расскажет о своих путешествиях...»

Андрей Лукин,
Нижний Тагил

ХОЧУ БЫТЬ ПУТЕШЕСТВЕННИКОМ!

Хотят познакомиться с путешественником и Вова Куш из Узбекской ССР, Екатерина Лимарчук из села Осетрово Воронежской области, Борис Панкратов из города Долгопрудный.

Отвечает ребятам сотрудник Ленинградского государственного института проектирования городов, ударник коммунистического труда Олег Григорьевич Чистовский.

С О В Е Т

Разные письма приходят в редакцию. О дружбе мальчика с девочкой, о том, когда кончается дружба...

Галя В. просит: «Редакция, ответь мне скорей, дружить мне с ним или нет». Гале хочется, чтобы кто-нибудь, например, редакция журнала, все решила за нее, Галю.

Подобные письма, пожалуй, говорят о недостаточном уважении их авторов к самим себе.

Кто-то однажды сказал про жизнь, что она есть продолжение детства... Честь, достоинство, смелость закладываются в детстве, а испытываются на прочность в течение всей жизни.

Ленинградский писатель Вадим Нечаев, выполняя поручение «Совета друзей», ездил в город Мытищи Московской области и в 6-м классе мытищинской средней школы прочел ребятам несколько писем из редакционной почты...

ЧЕМ БОЛЬШЕ ДРУЗЕЙ, ТЕМ ЛУЧШЕ

— Я выехал с пачкой писем в Подмоскowie, в город Мытищи, — рассказывает В. Нечаев. — С вокзала сел в автобус и вскоре оказался в новой части города. А вот и средняя школа № 6. Неподалеку машиностроительный завод. В школе в основном учатся дети рабочих и техников.

Для 6-го класса мое появление было неожиданным, как и сама тема нашего

разговора. Но по оживлению, которое вызвали прочитанные письма, было понятно, тема волнует ребят.

Первым прочитал письмо Гали В.: „Мне нравится один мальчишка. А ему нравится другая девочка. Он мне сколько раз говорил: давай с тобой дружить. Но я ему отвечала: „Нет“.“

Мытищинские ребята стали спорить:

Прежде всего нужно уточнить, что такое «путешественник». Это человек, который путешествует по стране, выполняя какую-то работу? А если — путешествует только ради своего удовольствия? Как, например, турист. Туристу не нужно обладать особыми качествами. Допустим, показалась ему трудной или малоинтересной дорога, он может изменить маршрут, а то и вернуться назад. Зачем ему напрасно тратить силы, быть может, рисковать жизнью?

Другое дело, когда путешественник выполняет определенное задание. Топограф, ведущий съемку местности. Геолог, разыскивающий местонахождение полезных ископаемых. Ботаник, исследующий малоизвестный район. Географ, собирающий материалы для географического описания края. Тут приходится мириться и с капризами природы и со всевозможными трудностями походной жизни. И все тогда в характере путешественника приобретает особое и важное значение. Порой многое зависит от того, умеешь ли ты разжечь костер во время дождя, сварить суп, поставить палатку, оказать первую помощь заболевшему...

Если же путешественник возглавляет экспедицию, отряд или партию, то он ко всему прочему должен быть человеком хозяйственным. Ведь надо взять в путешествие по необжитым районам все самое необходимое и ничего лишнего, что бы мешало в походе. Нужно разумно использовать экспедиционное снаряжение, экономно расходовать продовольствие и беречь его от порчи.

Мне припомнился такой случай. Отправившись на полмесяца в район ледника Федченко, чтобы составить его карту, мы забыли соль. Вернуться на базу было нельзя, так как наполненная талыми водами река Танымас вышла из берегов. Как мы мучались из-за своей халатности!

Подобные вещи, конечно, можно предусмотреть.

Гораздо труднее вжиться в коллектив, не раскисать и не хныкать, если даже смертельно устал, выполнять любую работу на привале, всегда прийти на помощь тому, кто слабее, быть чутким к людям.

Врезался мне в память и такой эпизод. Переправлялись осенью через реку Ала-бука —

Д Р У З Ъ Й

Лена Прыткова: Я не люблю девочек, которые говорят, что кто-то за ними бежит.

Лена Шупейкина: Он же не чемодан, чтоб его за ручку носить. Он может дружить с кем угодно. Чем больше друзей, тем лучше.

Юра Гацуц: Я за общую дружбу, в которой нет разделения на мальчишек и девочек. Он предлагает дружить всем вместе, втроем.

Большой интерес вызвало и письмо Ларисы С. „Можно ли дружить в четырнадцать лет?“ Мнения Ларисы и ее мамы по этому вопросу разошлись. Лариса жалуется: „И еще мама запрещает мне дружить с некоторыми девочками лишь из-за того, что они ей не нравятся“.

Сергея Топыкин: Родители могут запретить дружбу, если видят, что дружба приносит вред, портит человека.

Люда Ануфриева: Родители могут только подсказать, но не должны вмешиваться.

Витя Копцев: А по-моему, нет. Никакого запрета быть не должно. В этом человек должен быть самостоятелен.

Юра Гацуц: А по-моему, иногда родителям лучше и не говорить о своих друзьях.

это в горах Тянь-Шаня. Бурлящий поток сбил подо мной лошадь, я оказался в ледяной воде. Товарищи спасли меня, поделились сухой одеждой. В запасе одежды не было, каждый предложил, что мог...

Я убежден, что человеку, любящему природу, легче переносить невзгоды во время путешествий. А сколько незабываемых впечатле-

ний получает такой человек! Он может стать свидетелем редкого атмосферного явления, встретить в пути дикий зверь, увидеть необычное растение! Один мой знакомый геодезист случайно открыл месторождение полезных ископаемых, а другой наткнулся на целебный источник, возле которого затем вырос курорт.

Я путешествую уже более четверти века. Из каждой поездки привожу не только отснятые топографические планшеты, но и походные записи и сотни фотографий. На снимках запечатлены горцы и жители пустынь, экзотические растения и животные, пейзаж. Дневниковые записи и фотографии воскрешают в моей памяти необозримые казахские степи, базальтовые холмы Заполярья, ледники Кавказа и Памира... Путешествия помогли мне написать «Записки топографа», «Тайну вершины Мискен», «В стране великих гор», «Мечта Розы Мамета», «Своими глазами».

И всегда радостно узнавать, что там, где были топкие болота или таежные дебри, возникли города и комбинаты, пролегли ленты каналов, трассы высоковольтных электропере-

С О В Е Т

Юра Костюченков: Я тоже так думаю. У меня произошла такая история. У меня есть друг. Ему сделали замечание в школе, что он плохо занимается. Его родители решили почему-то, что это плохое влияние — мое, и запретили нам дружить. И даже не разрешают мне приходить теперь в их дом. Разве это справедливо? Лучше бы разобрались как следует.

Витя Логинов: Если человек плохо учится из-за своего друга, родители могут вмешаться, это их право.

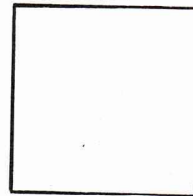
Вадим Нечаев: Как видите, мнения в классе разделились. Я думаю, что ближе остальных к истине Люда Ануфриева. Убеждение в данном случае гораздо вернее, чем приказ. Каков бы ни был друг, но это друг. И ты в ответе за него, как за самого себя.

Бывает, что в дружбу вмешиваются не родители, а знакомые и приятели. Брат Наташи Куракиной готовит уроки, ходит в кино вместе с одной девочкой. Ребята во дворе его за это дразнят. Как же ему теперь быть?

Мытищинцы были единодушны: брат Куракиной не должен обращать внимания на дразнилки.

Андрей Дудко: Девочка должна быть решительной и уметь за себя постоять.

Голос с места: Копцев Моисееву имеет в виду. Она помогла ему всю четверть.

Таня Б. спрашивает: „Какой должна быть девочка? Вот которые у нас не очень сильные, с такими мальчишки вообще не хотят знаться. Со мной не хотят знаться еще и потому, что я рыжая. Но разве я в этом виновата!“ Это письмо почти у всех вызвало улыбку.

дач. Значит, там хорошо потрудились изыскатели, геодезисты, топографы, геологи.

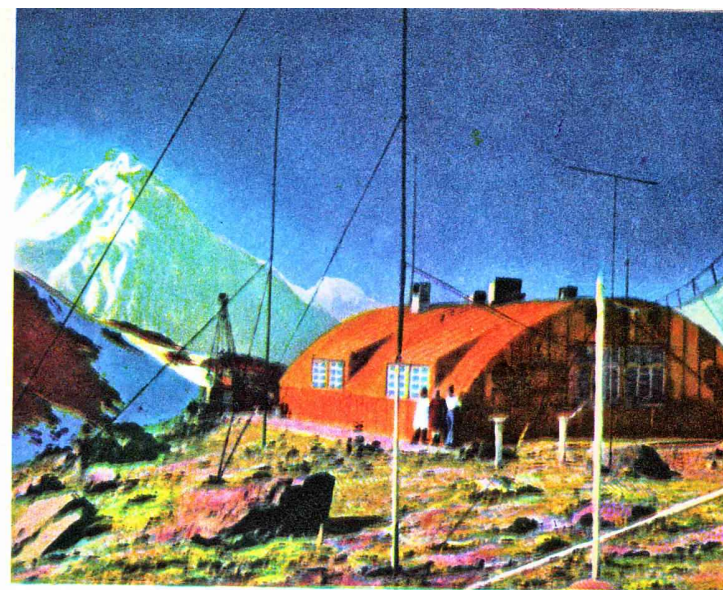
Вам, будущие путешественники, желаю счастливых дорог и попутного ветра!

Беседу записал А. Шейкин

МУРАВЬИНЫЙ АЭРОДРОМ

Листок из блокнота
Олега Григорьевича Чистовского

Луч полуденного солнца, наконец, отыскал лазейку в плотном зеленом пологе, сотканном из развесистых крон старых яблонь, и коснулся земли. Маленький освещенный кружок закурился. Казалось, из разогретой земли поднимается пар. Прошел час-другой, а кружок, заметно увеличившись, продолжал куриться. В его легких струйках что-то поблескивало. Эти-то таинственные блестящие и привлекли мое внимание. Я подошел к кружку. Он походил на большое решето с мельчайшими отверстиями. Из них выползали крупные муравьи со сложенными на спинках длинными крылышками-мечами. Муравьи направлялись к упругим стеблям высоких трав, и один за другим поднимались по ним. Достигнув вершин растений, насекомые разводили в стороны свои серебристые крылышки и взлетали в воздух. В бездонной синеве

июльского неба они мгновенно терялись. А из норок вылезали все новые и новые муравьи, торопясь к «стартовым площадкам»...

Да сколько же их там? — наблюдая за ними, поражаюсь я.

Муравьиный «аэродром» действовал до тех пор, пока солнце не покинуло его.

Фото автора

Д Р У З Ъ Й

Витя Копцев: Скромной, не сплетницей, не воображалой, чтоб не хныкала, чтоб не жадничала, справедливой.

Лена Васильева: Она должна быть доброй, хорошей, смелой, если даже она и слабая.

Витя Копцев: У меня сестра рыжая, а все равно красивая и бойкая. Какое это имеет значение, рыжий ты или нет.

Фото Л. Лубеницкого

ВОТ МОЯ ДЕРЕВНЯ

ПОВЕСТЬ

Владимир Арро

Рисунки Т. Капустиной

На футбольном поле

На футбольном поле мы, конечно, разделись до трусов. Я оглядел всех наших. Труссы были на всех неплохие, справные. Кильковские к нам подходят и спрашивают:

— Ну, кто у нас будет капитаном сборной?

Я отвернулся от них, а Федяра кричит:

— Как кто, конечно, Антон!

— А почему это Антон, а не Шурка?— спрашивают кильковские.

— Шурка такого авторитету у нас не имеет.

— А у нас Антон, может быть, не имеет авторитету!

— Как так, — кричат, — не имеет, вон он какую речь сгрохал! А Шурка ваш слюни развесил: не хочу да не хочу!..

Я думаю: пусть себе спорят, мне дела нет. Я речь сказал — и ладно. На поле уже Сенька Морозов свистит.

— Команды, — спрашивает, — готовы?

Пионеры кричат:

— Готовы!

— Капитаны, ко мне!

Сенька-то Морозов бросил кривляться, как судьей назначили, сразу стал человеком, порядки наводит, в свисток свистит.

Смотрю, бежит к центру поля Куканов. Майка на нем красная, а трусы синие. А у меня майка хоть и целая, а цвета не поймешь какого. Вот я и вовсе майку снял.

А наши все с кильковскими спорят: имеет авторитету, не имеет авторитету.

Сенька кричит:

— Долго ли вы будете капитана выбирать?

— Да мы уже выбрали, — кричит Тришка, — только вот они никак не соглашаются!

Тогда Сенька к нам с Шуркой подошел, травинку сорвал и спрашивает:

— Петух или курочка?

Я говорю:

— Петух!

И выпало Шурке быть капитаном сборной команды.

Я плюнул в сторону, майку надел, все равно теперь, какого она цвета.

— Ну, — говорю, — капитан, куда вставать?

Шурка загоношился, забегал.

— Так! — говорит. — Ты в нападение!... Ты в полузащиту!..

Я спрашиваю:

— Левый край, правый край?

Он говорит:

— Правый!

Я плюнул и говорю:

— Дело твое, конечно, но учти, у меня левая нога сильнее.

И еще раз плюнул. Да ну их совсем! Не понимает Шурка игры, вон Ваньку в ворота поставил, а разве ж можно его в ворота, разве Саньку с Ванькой можно разлучать?

Я говорю:

— Нелзя их разлучать-то, капитан липовый!

Но тут мне Лена Скворцова рукой помахала.

Я кричу:

— Эй!..

Окончание. См. «Костер» №№ 3, 4, 1970 г.

Снял я снова свою майку, завернул вместе с другими одежками в узел. Подбегаю к Лене и говорю:

— Посторожи.

А Лена уже где-то щавеля нарвала, сидит, улыбается и ест.

Я говорю:

— Ты этот кильковский щавель выброси, я тебе после футбола морковок нарву! И огурцов соленых попрошу у бабушки.

А Лена все равно улыбается и ест щавель.

Ну, думаю, я сейчас забью, держитесь, килечки! Тьфу черт, забыл, что мы с ними в одной команде играем. Жалко, нашего Коли Семихина нет!

Вышел я по свистку на мяч, веду прямо на Куканова, а слева Шурка кричит: пас! пас! Подожди, думаю, какой пас, дай мне к воротам вырваться. А тут Сашка из ихней полузащиты набегают, ногой сучит перед самым носом, толкается, но у меня не так легко мяч отобрать.

— Пас! Пас! — кричит откуда-то издалека Шурка, но тут мне и вовсе не до паса, налетели на меня двое городских, чуть с ног не сбили и отобрали-таки, подлые, мяч.

Гляжу я на Лену Скворцову, а она все сидит, улыбается и щавель ест. Возле нее мой узелок лежит с одеждой.

А мяч уже где-то там, у наших ворот, Санька с Ванькой всю пыхтят, стараются, эх, думаю, жаль, Коли Семихина нет!

Я мимо Лены пробежал и кричу ей:

— Эх, жаль, нет нашего Коли Семихина! А то бы мы дали!

Только что же это за свалка у наших ворот, что за крик, что за паника? Да никак гол!

Так и есть, забили нам городские гол в результате острой борьбы!

Подлетаю я к Шурке и кричу:

— Ах ты, стукнутый капитан, кого же ты в ворота поставил, разве можно Ваньку, ты Тришку поставь, он все равно правил не знает, а уж умеет мяч ловить, килька ты маринованная!..

А Шурка мне отвечает:

— Ах ты, одиночка кустарная, ты слышал, я тебе кричал «пас», почему же мяч не послал, а один мотался, как овечий хвост, ничего ты в коллективной игре не понимаешь!

Хотел я ему двинуть, сцепились мы, но тут Сенька со свистком подбежал:

— Фр-р-р!.. Прекратить!

Начали мы с середины поля, ну, думаю, чтоб я тебе мяч дал, никогда не бывать этому. Помчался я по правому краю, а впереди меня Куканов с Шуркой за мяч борются. Оттолкнул я Куканова, Шурке подножку поставил, веду

мяч к воротам противника, тут на меня набегают, я обвожу — удар! Мяч уходит на угловой.

Сзади подходит Куканов и говорит:

— Ты чего?

Я говорю:

— А ничего!

— Схватишь!

— Сам схватишь!

— Может, на травку выйдем?

— Пойдем!

Но тут выбили мяч. Бросились мы с Кукановым в середину поля, а там уже свалка, Федяру наземь повалили, а он лежит и в руках мяч держит, ну что за бестолковая такая команда! Назначили нам штрафной.

Я кричу Шурке:

— Ты что, не видишь, Федяру руками мяч хватает, его же надо в ворота ставить, сейчас как дам!..

Но тут подали мяч, Куканов взял его с третьего паса и по нашим воротам как вдарит!..

И забили нам еще один гол в результате острой борьбы.

Вот тебе, бестолочь, думаю, так тебе и надо, не понимаешь ты по-хорошему, килька ты безголовая, никакой у тебя тактики нет!

Городские кричат, наши свистят, я кричу Шурке: «Нет у тебя тактики!» Посмотрел я,

что там Лена делает, а она смеется и щавель ест.

Ну, думаю, сейчас забью, нет больше терпения, понесусь я к воротам, как ураган, как трактор с прицепом, хватит нашу Равенку позорить, нам дорога наша честь.

Вырвался я вперед, но тут мяч отбили, я за ним, со мной рядом Куканов, Шурка где-то кричит: «Пас! Пас!» Куканов мяч отобрал, отдал Сашке, Сашка мне, я смотрю — в воротах Тришка стоит! Ага-а, святые угодники, вот вам наш равенский привет—бац! Ур-ра, гол! Тришка чего-то орет, с кулаками на меня лезет, ба-а-тюшки, думаю, куда ж я забил!.. Тришка-то за нашу команду играет! Когда ж его в ворота поставили?.. Все орут вокруг меня, кулаками потрясают, а громче всех Шурка кричит.

— Тише! — говорю. — Чего вы раскричались, кильковские подмастерья! Что же вы не предупредили, что Тришку поставили! Не понимаете, что ли, что привык я по вашим воротам бить!..

И пошел я с поля напрямик к Лене Скворцовой.

— С такими занудами, с такими удавленниками, — говорю, — разве можно играть!

Взял я узелок и пошел прочь.

— Я, — говорю, — Лена, сейчас тебе морковки лучше нарву.

А сзади свисток судейский заливается. Шурка кричит: «Пас! Пас!»

Вот, думаю, как дам сейчас в глаз!

Пришел я к бабушке

Пришел я к бабушке, а она сидит на лавочке и смотрит перед собой.

— Ты, — говорит, — чего, Антон Иванович, великомучеником таким ходишь, и узелок под мышкой. Ай обидел кто?

Я говорю:

— Да ну их, бабушка, нет у меня больше мочи терпеть ваших кильковских!

— А ты с худыми ребятами не водись.

— Так они все у вас худые, кого ни возьми, что ты будешь делать!

— Ах, батюшки, — говорит бабушка, — вот ведь на нас какая напасть!

— Я говорю: Федяру в ворота ставьте, а они Ваньку, а ведь Ванька без Саньки все равно что очки без глаз!

— Ах ты, какая напасть, — говорит бабушка.

— А если Тришку ставить, то ведь предупредить надо, я, может, оттого и перепутал ворота, да тут еще Куканов под ногами все время вертится...

Бабушка говорит:

— Ах ты, какая напасть...

Я говорю:

— Бабушка, я пойду морковки сорву.

— Сорви, сорви, сударь, — отвечает бабушка, — утешься.

Только я хотел идти, смотрю — Слава-кин-механик два ведра воды несет, и прямо бабушке в дом.

Так я и замер. Я говорю:

— Зачем он-то здесь у тебя, бабушка?

А она отвечает:

— Жениться он, голубчик, надумал, а невесту вести некуда, не обзавелся еще, вот в квартиранты ко мне и напросился, пусть живут.

Я говорю:

— Ах вот ты как, бабушка, значит, и вашим, и нашим!..

— И вашим, сударь, и нашим, — отвечает бабушка.

Вот он, думаю, какую старушку нашел одинокую, вот куда Люба-то из Равенки переберется!

А бабушка рада, что не одна в доме будет, знай себе твердит:

— Я и вашим, сударь, и нашим, и всем.

Нарвал я пучок морковки, вышел с огорода прямо на берег, чтобы ополоснуть морковь-то, а с футбольного поля крики несутся. И Лена Скворцова где-то там сидит, Куканову улыбается.

Сел я в траву перед своей деревней Равенкой и, значит, это... заревел.

Ах ты, косить как взялись

Ах ты, косить как взялись, я проснулся только, а кильковские трактористы уже почти весь луг располосовали! Стрекот стоит за рекой, воронье летает, а солнце вон как жарит, может, завтра будут стога метать. Выйдут все,

у кого вилы из рук не валятся, весело будет, нас хоть и не позовут, а мы тоже пойдем. Будем квас пить из большой бадьи, со стогов будем в сено прыгать, а в обед, может, лектора привезут, про международную политику читать.

Только что-то гложет меня, подраться с кем-нибудь хочется, уж так гложет. Куда, думаю, девать себя, глаза куда прислонить. На амбулаторию глянешь — там Люба, за реку — там Кильково, направо — там пастух дядя Леша, а налево поглядишь, то совсем плохо — там дорога, по ней городские пионеры два дня назад уехали, а память свою оставили, особенно Лена Скворцова, как она морковку ела и рукой мне махала, мол, прощай.

Федяра свистит за изгородью, меня к себе манит, Санька с Ванькой, слышно, как перед домом с моей собачкой играют, а я в огороде сижу, зарылся в горох, стручки глодаю, а меня гложет тоска. И понял я, что мне ехать надо — Митю искать.

Коля таратайку смастерил

Коля таратайку смастерил взамен тех носилок, теперь издали слышно, как он Вовку везет. Скрипит колесо, задевает раму на каждом обороте, а ничего таратайка, неплохая, Вовка доволен, только бабка Тарариха на Колю ругается:

— Колька-а, не ехай так шибко, не ехай, убьешь ребенка! Вот погоди, скажу матери-то!..

И Вовку прилащивает:

— Поди сюды, желанный, разучат эти атаманы тебя ногами-то ходить.

А Коле того и надо, подкатил он таратайку к бабке, ходи, Вовка, ногами, пасись возле бабки! А мы пустых бутылок дома взяли и пошли в магазин.

Пришли к магазину, а на нем три замка навешено. Николай Сизиков, который ближе всех живет к магазину, кричит нам:

— Не ждите, эй, равенские! Она картошку окучивает!..

Видишь, нашла время картошку окучивать. А тут и автобус уже по кильковской дороге трясется, расписание выдерживает, это хорошо, что он выдерживает расписание, а как же с деньгами быть?

Встал автобус, дверца нараспашку, дядя Коля пошел в сельсовет напиться воды. Хоть бы, думаю, кильковские нас не заметили.

Я кричу:

— Ты не говори, Сизиков!..

— Чего не говорить?

— Ты не говори, что мы в Красную Гору поехали!

— Мое дело маленькое, — отвечает Сизиков, — чего это мне говорить.

Влезли мы в автобус, уселись все на заднее сиденье. А чего уж, рисковать, так рисковать.

В автобусе народу немного: почтальонка веселая, две студентки, зоотехник в пиджаке и три тетки.

У почтальонки место свое, переднее боковое, она тут как хозяйка, в автобусе.

— Что, — говорит, — женки, в город?

— Да, — отвечают тетки, — кой-чего надо закупить...

Пришел дядя Коля.

— Ну, все сели? — спрашивает.

Почтальонка говорит:

— Я здесь, значит все, ха-ха-ха-ха-ха!

Вдруг он нас заметил. А мы притихшие сидим, в диван так и вдавились.

— А эт-то еще куда? — спрашивает дядя Коля. — Обратно в крапиву захотели?

А я-то знаю, что бояться особо нечего, по этой канаве крапива не растет.

— Нет, дядя Коля, — говорю, — нам в Красную Гору надо! Мы заплатим!

— А ну обилечивайтесь!

— А у нас бутылки!

Дядя Коля как увидел наши бутылки, так и загоготал:

— Ну что ты, — говорит, — будешь с этой публикой делать!

— Мы сядим в Красной Горе, — кричу, — дядя Коля, наша-то продавщица картошку окучивает, кто ж ее знал!

Почтальонка говорит:

— Николай, что-то у тебя задний диван сильно колотится, пыль только подымает, пусть они на нем посидят, ха-ха-ха-ха-ха!

— Ну сидите, — говорит дядя Коля. — Только не баловать.

Заерзали мы на сидении от радости, затискали друг друга!

Зачем мы будем баловать, мы и так посидим.

Тронулся автобус

Тронулся автобус — что тут началось! Стекла в рамках задребезжали, диваны незанятые запрыгали, пыль повалила — студентки носы отвернули, через платочки дышат — ба-а-тюшки! Зато едем, не пешком идем.

Эх, хорошо в автобусе ехать, впереди мотор гудит, колеса внизу крутятся, дымом сладким ноздри шекотит, а мне и тряска нравится, и ветер в окно — сразу видно, что едем, не пешком идем!

Долго ехали, все пылью обволоклись.

В окошке места незнакомые проплывают: то ельничек, то березничек, то поле овсяное, то

люпин. Эх, ельнички, да и березнички, а не ходите вы по улице, бездельнички... И косят везде, косят траву, где косилками, где вручную.

А деревни все чужие, непонятные, ух как много на пути деревень! И возле каждой дядя Коля остановится, тут бабу посадит, там мужика возьмет. Одних почтальонков уже трех набрал, не считая нашей, они все одинаковые: сумка через плечо и молоко на продажу в чептерях. Наша почтальонка молока не везет, нету у нее коровы. Зато она самая веселая, кто ни войдет, всякого заденет.

— Ну, что, андреевские, и у вас нету дождя?

— Какой дождь, земля, как зола, вон дорожку всю в порошок перетерло.

— Зато сено высушите, ха-ха-ха-ха-ха!

В деревне Марьинской влезли в автобус два парня, рубахи на них расстегнуты, кепки на затылках, друг друга поддерживают.

Повалились они на сиденье впереди нас, один и спрашивает:

— Пассажиры, у вас в бутылках чего?

Я говорю:

— А ничего.

Вдруг смотрю, из Федяриной бутылки вылезает какое-то насекомое, посидело на горлышке и полетело. Впереди нас люди руками замахали. Почтальонка говорит:

— Ой, Николай, да у тебя никак тут пчела!

— Да не одна, — кричат тетки, — ай, ай!..

Тут почтальонка закричала:

— Тормози, Николай, тормози, их тут целый рой!

Студентки завизжали, почтальонки закричали, парни кепками размахивают.

— Спасайся кто может!..

Дядя Коля на обочину автобус отвел, выпрыгнул на дорогу, спецовку на голову натянул и кричит:

— Эй, кто пчел везет, признавайся!

А в автобусе все повскакали с мест, к выходу проталкиваются. Студентка одна даже плачет, а почтальонка наша на улице визжит.

— Это кто же у меня тут хулиганичает? — спрашивает дядя Коля. — Я их бесплатно, как говорится, обслуживаю, а они мне рейс решили сорвать?..

А у нас тоже пострадавшие имеются: Саньку пчела ужалила, Ваньку пчела ужалила, я на них указываю.

— Нет, — кричу, — дядя Коля, нет!

— А как же это пчелы в салоне появились? Сами от себя завелись?

Ну, думаю, Федяра, разбирайся теперь сам, вишь чего нахулиганил, ведь ехали, как культурные люди, так нет!

А дядя Коля говорит:

— Та-ак, сейчас мы с вами тут разберемся. Граждане пассажиры, подходи.

Все и так уже нас окружили, просить не надо. Студентка заплаканная за щеку держится, марьинский парень шею потирает, почтальонки на нас как на хулиганов глядят.

— А не надо было и сажать их!

Марьинский говорит:

— Кто такие, как фамилия, пять суток губы!

— Погоди, погоди, — говорит дядя Коля, — этот факт как можно понимать? Как нападе-

ние на водителя в период рейса!.. Влекущее за собой простой техники... Срыв графика... А, не так, что ли? Вот как можно понимать!..

— Вредные какие... — говорит почтальонка. — Чего глаза вытаращил?

Это она мне, а я в чем виноват, это Федяра.

А дядя Коля:

— Погоди, погоди... Это, граждане пассажиры, ни в какие ворота не лезет, с этим нас призывают бороться, да мы и сами такого же мнения!

Ну, думаю, Федяра, погоди...

— Их, дьяволов, крапивою надо выдрать! — говорят почтальонки.

— К крапиве они привычные, — говорит дядя Коля, — от нее эффекту не будет, а я, как водитель, предлагаю: лишить их права дальнейшего проезда в направлении райцентра. Пускай пехом потопают, в какую хочешь сторону, хоть туда десять километров, хоть пять сюда.

Коля спрашивает:

— Это в какую же сторону будет пять, к дому или в Красную Гору?

— В Красную Гору вам ближе будет, — говорит марьинский парень. — Значит, сначала Сергино, потом Антониха, потом Посушиха, потом Ягодки...

— Ишь они, — говорит дядя Коля. — Интересуются!.. Ну все, проголосовали. Эдак я совсем из графика выбьюсь. Залезай!

Вошли пассажиры в автобус, опасно озираются, нет ли еще там пчел, но пчелы все через дверь вылетели, а четыре подошли. Пчела ведь если ужалил, то больше уж не живет.

— Вот так, — говорит дядя Коля, — отныне чтобы и близко к машине не подходили.

Неужели, думаю, и правда он нас в такой далище бросит! А ведь у Саньки нога нарывает.

Я говорю:

— Дядя Коля, ведь у Саньки нога нарывает, нехорошо тебе нас бросать!

Но дядя Коля этого, видно, уже не услышал. Автобус выпустил клуб синего газа и покатыл. Ванька побежал за ним, закричал:

— Посади, дядя Коля!..

Но автобус скрылся за поворотом.

Лес навалился на нас со всех сторон, чужой, молчаливый. Сосны да вереск, ни одной травинки кругом.

— Ну, — говорю, — Федяра, что скажешь?

Федяра тут и заревел.

— Я, — говорит, — и не хотел выпускать пчел, что я — дурак, да?.. Они в бутылке были, я и не хотел...

Я кричу:

— А зачем брал?

— Я для кильковской продавщицы, я и не хотел выпускать, что я — дурак, да? ..

Ревет Федяра, слезы на кулак наматывает, ну что ты будешь с ним делать! Вот какая привычка у человека, всякую дрянь с собой таскать. Пчелы, конечно, не дрянь, они мед с цветков собирают, а сейчас-то что делать? Домой — десять, до Красной Горы — пять, куда же идти?

Я говорю:

— Домой или в Красную Гору?

— В Красную, в Красную, — говорит Коля. — А Федяре я сейчас шею начисчу.

Коля еще не договорил, а Федяра уж бросился бежать. Коля за ним. И мы пошли вперед по дороге. Скучно идти пешком, муторно, лес кругом, словно глухой, молчит, даже птиц в нем нет.

Я говорю:

— Ну как, Санька?

А они с Ванькой отвечают:

— Как-нибудь-то дойдем...

Вдруг от поворота Федяра с Колей кричат:

— Автобус! Автобус!

Бросились мы вперед, смотрим, а за деревьями, и правда, наш автобус виднеется! С белой каемочкой, голубой!

На дороге стоят дядя Коля и почтальонка и нам руками машут. Мы подбежали к ним, пыхтим. Дядя Коля спрашивает:

— Поняли теперь, какое я вам придумал наказание?

Мы говорим:

— Поняли! Поняли!

— Будете еще шкродничать?

Мы говорим:

— Нет, дядя Коля, нет!

— Ну, полезай.

Прикатили мы в Красную Гору

Прикатили мы в Красную Гору, это большое село! На площади два каменных дома, всякие тут у них магазины, парикмахерская имеется, улицы в разные стороны по горе ползут. Даже из всех наших окрестных деревень не сложить бы Красную Гору, вот какво село.

Посреди площади бочка серебряная, на ней написано «Квас». При бочке сидит тетка с зонтиком, кто к ней подойдет, тому она и наливает.

Вот куда Митя поехал, где ж его тут искать? Ведь народищу кругом ходит, кто с ведром,

кто с кошелкой, кто с книгой, а одна тетка впереди себя катит коляску. Я говорю Коле:

— Гляди, какая коляска.

А он говорит:

— Да-а, дела...

Федяра говорит:

— Вот люди живут! Квас бочками потребляют.

Коля остановился и стал какую-то вывеску читать.

— Сдавайте ягоды и грибы по пре... по преЙ-ску-ранту... Это по какому, значит, преЙ-скуранту?

— За деньги небось, — говорит Федяра.

— Это грибы-то? ... Да-а... — говорит Коля. — Вот люди живут.

Стоят наши равенские посреди площади с бутылками в руках и по сторонам глазеют.

Я говорю:

— А все-таки нет у них такого простору. И реки у них нет.

А меня никто не слушает.

— Чего, — говорю, — разглазелись, бутылки надо идти сдавать.

В магазине была длинная очередь

В магазине была длинная очередь, продавщица всем колбасу отвешивала. Мы к прилавку протиснулись, я спрашиваю:

— Примете ли у нас бутылки?

Все тут загудели:

— В очередь, в очередь, Зина, не принимай у них!

Я говорю:

— Не встравайте. Примете ли у нас бутылки?

Продавщица говорит:

— Приму, когда очередь подойдет.

Федяра спрашивает:

— Почему колбаса?

Продавщица кричит:

— Да не лезьте к товару, подите вы отряхнитесь! Вон какие блондины, на них же можно рисовать!

Санька с Ванькой хлопнули друг друга, а от них пыль повалила клубами.

В очереди кричат:

— Да не здесь, не здесь, на улице!

Я говорю:

— Граждане, не обижайтесь, мы на автобусе ехали, а дождика-то все нет, дорогу в пыль перетерло, а кто из вас местные, тот, может, и знает нашего Митю, он на баяне хорошо играет, сам-то он равенский, а теперь где-то тут у вас живет!

В очереди все замолчали, а потом заговорили друг с другом:

— Митю?.. Это какого же Митю? Не Андрея Петровича зятя?

— А может, Митрия-Матюху?

Продавщица говорит:

— Да полно, разве он на баяне играет? Что-то я не слыхивала.

— А может, Шуры Семичевой сосед?

— Это который пожарник?

Я говорю:

— Да нет, он не пожарник!

В это время Коля запнулся за пустой ящик, Коля не виноват, я видел, из ящика железяка торчала. И Коля упал, и ящик упал.

Продавщица кричит:

— Зачем трогаешь тару?

Федяра говорит:

— Колбаса-то почему?

— Ну, бог послал архаровцев, — говорят в очереди, — Зина, отпусти ты их, проклятуших, а то они тут тебе наделают делов.

Нам дали шестьдесят копеек за пять бутылок, шестая оказалась с браком, это пятьюдесятью — будет пятьдесят, да еще пять на два, ноль пишем, один в уме.

На площади Федяра сразу спрашивает

На площади Федяра сразу спрашивает:

— Интересно, а почему квас?

Я говорю:

— Да не приценивайся ты, Федяра, не приценивайся! Все равно мы дяде Коле должны, еще и не хватит, так что ты эту идею из головы вынь да брось.

Федяра говорит:

— Я идею выбросил, я просто спрашиваю для интереса.

Вдруг Санька говорит:

— А вон Куварин...

Смотрим — и правда, навстречу нам Куварин идет. На нем новая кепка, а сзади ярлык болтается. Подошел он к нам и говорит:

— А я видел, как вы на автобусе приехали.

Я говорю:

— Куварин, ты как здесь?

Он отвечает:

— Я еще раньше вашего. Моя мама в рядах картошкой торгует, вот потому я и здесь.

А мы когда шли, то сразу заметили, что в боковушке между двумя улицами есть торговые ряды.

— А я себе фуражку купил, — говорит Куварин.

Федяра спрашивает:

— Почему фуражка-то?

Куварин отвечает:

— На два семьдесят.

Коля хотел оторвать ярлык у его фуражки, но Куварин увернулся и говорит:

— Ты-ы, не открывай!...

— А куда ты идешь? — я спрашиваю.

— А никуда, — говорит Куварин. — В рядах мне сидеть надоело, магазины я уже все обошел, так что никуда не иду. А сейчас только шел к вам.

Я ребят спрашиваю:

— Может, мы его с собой возьмем?

Тут Коля отвернулся.

Я говорю:

— Куварин, ты не проболтаешься? Мы ведь Митю идем искать.

Куварин говорит:

— Нет, я не проболтаюсь.

— Ну, иди с нами. Ребята, он же наш, равенский, пусть он с нами идет.

Куварин говорит:

— Я же ваш, равенский. Вот хотите, пойдете квасу напьемся?

Федяра тогда говорит:

— Ребята, он же наш, равенский, пусть он с нами идет!

Тогда все мы пошли к бочке с квасом.

Тетка из-под зонтика говорит:

— Вон ты, который в новой кепке, ты уже сегодня третий раз.

Куварин отвечает:

— Да, я сегодня третий раз.

— Мать-то картошку расторговала?

— Полмешка только, — говорит Куварин.

— Плохо, плохо идет картошка, — говорит тетка. — А вы на кильковском автобусе давеча приехали, ко мне не подошли, а сразу в магазин.

Я говорю:

— Правильно, а как вы заметили?

— А я, — говорит тетка, — недаром посреди площади сижу, я все вижу, все! От меня не утаишься!

Куварин говорит:

— Трижды шесть... двадцать четыре... Каждому по маленькой и сдачи шесть копеек.

— А вы чего приехали? — спрашивает тетка. — Так, от баловства, или по делам?

Я говорю:

— По делам. Дела у нас, мы Митю хотим отыскать нашего, равенского. Он у вас на учебе, а в деревне Люба осталась.

— Это который с баяном приехал?

Я даже квасом поперхнулся.

— Да! — кричу. — Да!

— Что-то давненько его не видела, — говорит тетка.

Я кричу:

— Да где же он живет?

— Вон на квартире у Мухина, у своего дяди, пойдете прямо, потом по Разуваевке, по левую руку четвертый дом, у них еще куры марганцовкой меченые, а в палисаднике мальва растет.

Вот мы по Разуваевке идем

Вот мы по Разуваевке идем. Дома у них все хорошие, тесом обшитые, разными красками выкрашены и на каждом доме номер висит.

Отсчитали четвертый дом по левой руке. Встали на крыльцо и стучим.

Долго никакого ответа не было, а потом в

доме что-то загремело, зашевелилось и мужской голос спрашивает:

— Чего надо?

— Дяденька, нам Митю!

Там помолчали и говорят:

— Никого нет.

Я говорю:

— Митя-то где у вас? Вы сами-то Мухин ли будете?

Тогда дверь открылась и в ней появился сонный дядька. Он губами почмокал, зевнул и говорит:

— Я-то Мухин, а вот вы кто? Какого лешего вам надо?

Я говорю:

— Мы равенские, Митины земляки!

— Ну и я, — говорит, — равенский. А чево? На кой вы мне тут сдались, таковские земляки, хоть бы и Митьки?

Я говорю:

— Да где же он?

— Уехал, шалабер, — отвечает дядька, — стало быть, в областной центр.

Отступили мы от крыльца, я думаю, что же будем теперь делать? Вдруг окошко открывается и дядька говорит:

— Вона, заберите письмо!

И бросил он нам конверт. Мы встали в кружок, повертели его так и этак, думаем, что за письмо такое? На нем написано «Лично Мите»... А потом посмотрел я на обратный адрес, вижу — Равенка! Амбулатория! Любина фамилия!

— Так это Любино письмо! От Любы к Мите! Значит, Митя его не получил.

— Куда же его девать? — спрашивает Федяра:

— А никуда, — говорю. — Никуда его не девать. Любе отвезем.

— Вот, — говорит Федяра, — какая у них улица

— Вот, — говорит Федяра, — какая у них улица!

А улица-то вниз горбом пошла. Дома по обе стороны кончились, под горой ольховые кусты открылись и осока-трава. А в траве ползет черный ручей, над ним стрекозки стрекочут, облака в нем белые плывут.

Вышли мы на мостик, легли ногами в разные стороны и стали из ручья пить. Вода в нем холодная, видно, у них тут родники колотят, много этой воды не выпьешь.

Коля напился, сел на мосту и говорит:

— Что это за ручей такой?

Я говорю:

— Кто его знает.

Федяра говорит:

— В таком ручье не искупаешься, вмиг все жилы стянет.

Я говорю:

— На спор!

Коля говорит:

— Не купайся, Антон, застудишься.

— Ты двигайся, двигайся!
А я и так плыву по ручью против течения, двигаюсь.

— Вылезай, — кричит Коля, — хватит!

И все кричат:

— Вылезай!

Я встал в воде и пошел. А воды мне по пояс. Под ногами острые камни. И течением назад валит. Вот так ручей.

Вытянули меня на мост. Стою, одеваюсь. Весь я гусиной кожей покрылся, посинел, и мелко меня трясет, бр-р-р!

— Че-черт, — говорю, — вот к-какая стужа!..

А мне и в штанину ногой не попасть, до чего меня колотит.

Вдруг из кустов выходят два мальчишки с красными повязками на рукавах и в галстуках, взъерошенные, зачем-то зелеными ветками прикрываются.

— Не застужусь!

Я быстро разделся и прыгнул в ручей. Обожгло меня, сжало всего, ни вдохнуть ни выдохнуть, будто я в проруби.

— Ну как? — кричат с моста.

Я говорю:

— Хор-рошо!..

— Ага-а, — говорят, — вот мы вас и застужали! Купался?

Я говорю:

— Н-не видишь, ч-что ли?.. К-купался.

— Сейчас в лагерь поведем.

Я штаны надеваю и говорю:

— В лагерь? Хор-рошо, ведите...

Один говорит:

— Мы вас давно заметили, вы у пищеблока в заборе доску отодрали.

Коля говорит:

— Не ври!

Я говорю:

— Никакой доски мы не отдирали.

А второй на нас внимательно посмотрел и говорит:

— Махоня, это и не они...

Первый спрашивает:

— Это не вы?..

Я говорю:

— Это мы, только ты давай на нас лишнего не наговаривай, в лагерь лучше веди.

— А вам, — говорит, — тогда и не нужно в лагерь, купайтесь, сколько влезет, вы же посторонние...

И второй поддакивает:

— Мы своих отыскиваем, мы патрули...

— Нет уж, — говорю, — теперь мы вас не отпустим, ведите нас в лагерь. Ребята, нужно нам в лагерь?

Все говорят:

— А чего же! Они у нас были, а мы у них нет.

Вот мы и пошли.

Лес тут у них был сосновый

Лес тут у них был сосновый, высокие стояли строевики. А под ногами шишки да дерюга всякая, все шуршит, трещит, крошится.

Я говорю:

— Лес-то у них похуже нашего будет, уж больно сух.

Прямо в лесу был длинный забор из досок. Мы вошли в калитку, а там тоже лес. Я говорю:

— Чего вы лес-то разгородили?

— А это, — говорят, — не лес, а лагерь, мы здесь живем.

Смотрим — и правда, меж сосен домики деревянные виднеются, а на большой поляне на шесте висит флаг.

По дорожке к нам зашепила женщина в белом халате, видно, местный фельдшер. Она и спрашивает у своих:

— Вы кого это привели?

— Да вот, Вера Сергеевна, какие-то посторонние.

Я говорю:

— Да нет, никто здесь не посторонние, это Куварин, это Коля Семихин, они тоже наши равенские, здравствуйте!

— Вы к кому?

Я говорю:

— К вашим, вот, пионерам. Они звали, вы не думайте. Они к нам, а мы, стало быть, теперь к вам. Вы собирайте их, собирайте, вы только скажите, мол, равенские приехали, они знают, они сразу прибегут!

Коля шепчет:

— Антон, ты речь скажи...

Я говорю:

— Да речь что-то неохота, а сейчас чего-нибудь придумаем, да хоть в футбол можно сыграть, у нас вон только Санька хромает...

Тетка говорит:

— Мальчики, да нельзя к нам, нельзя!

Я говорю:

— Как нельзя! А ну позовите черненького пионера Сашку!.. Или Лену Скворцову. Или Куканова. Как так нельзя?

— А ты не кричи, — говорит тетка, — ты успокойся...

Я говорю:

— А я спокойный!

Она говорит:

— Ну, вот. Как я тебе их позову, если они в изоляторе. Заболели они, понимаешь ты такое дело? И у нас карантин.

Тут я, конечно, кричать перестал.

— Чего это, — спрашиваю, — они у вас заболели?

— Кто их знает. Объелись какой-то дрянью в походе, теперь у них животы болят.

— Ничего, — говорю, — там не дрянь была, а морковка с бабушкиного огорода, а что они кильковский щавель ели, то я же говорил им: не ешьте щавель! А они ели!.. Да улыбались еще.

Тетка говорит:

— Ну, не обижайтесь. Я им привет ваш передам.

Я говорю:

— Приветом сыт не будешь. Каков привет, таков и ответ.

Вышла тетка с нами за калитку.

— Теперь-то вы куда?

Я говорю:

— Куда еще, в Равенку, конечно.

— А на чем?

Я говорю:

— На чем еще, уж не пешком, чай, на авто-

бусе. Автобус-то до самой нашей Равенки ходит.

— Вот вы какие самостоятельные,—говорит тетка. — Не то что наши. И закалка, видно, у вас хорошая, болеете не так часто, как городские.

Я говорю:

— А заболеем, так нам горя мало, у нас амбулатория есть.

Пионеры говорят:

— Они в Чернушке купались, видите, волосы мокрые!

Я говорю:

— Не в Чернушке, а в ручье!

Тетка говорит:

— А ручей наш и есть Чернушка.

— Неправда,—говорю,—Чернушка это наша река. Она мимо Килькова и Равенки протекает, их берег левый, наш берег правый...

Тетка говорит:

— Это правильно, а начало-то она здесь берет!

Вышли мы из лагеря, а я смотрю на ручей и думаю: какое дело, значит, это наша Чернушка! Вот где повстречались с тобой, наша река.

На площади стояло много разных автобусов

На площади стояло много разных автобусов, но нашего среди них вроде бы не было. И всё толпились кругом незнакомые люди.

Я у них спрашиваю:

— Который тут на Кильково?... Который?

Все головами мотают, у всех своя забота. Наконец, один шофер отвечает:

— Ваш в город ушел, ждите, он через час придет.

Я говорю:

— Давайте ждать, ребята, а то ведь дядя Коля такой — шмыгнет и не заметишь. Вот бы нам кого-нибудь своих встретить, например, кильковскую почтальонку, нам бы веселее было ждать.

Но тут открылся один ларек, и в нем стали продавать мороженое. Люди на остановке как это увидели, так и побежали. А из автобусов руки протянулись с деньгами: «Клава! Шура! Возьми и мне!»

И сразу у ларька образовалась очередь, потому что было очень жарко, а мороженое ведь охлаждает, об этом и по телевизору говорят.

Все наши в ту сторону головы повернули, смотрят — люди идут с мороженым. Санька спрашивает:

— Это что они сосут?

Я говорю:

— Санька, это мороженое!

Санька спрашивает:

— Что замороженное?

Федяра говорит:

— Просто мороженое. Снег, значит.

Я говорю:

— Нет, Федяра, не просто снег, а это мороженное молоко.

Коля говорит:

— Не молоко, а сметана.

Куварин говорит:

— Я очень люблю мороженое. Только денег нет.

Федяра говорит:

— Деньги-то есть, да вот Антон не дает.

Я говорю:

— Да? А на автобус?

Тогда Куварин спрашивает:

— А вы зачем на автобусе хотите ехать, поехали на машине. Мы на Агафоновой машине сюда приехали, она за нами на обратном пути заедет и прямо в Равенку отвезет.

Все закричали:

— На Агафоновой, на Агафоновой! Молодец, Куварин!

Мое дело маленькое, я-то мог бы и без мороженого, я его сроду не ел, мне и не надо, но раз они все так захотели, их теперь не перепоришь. Я говорю:

— Ну, как хотите, мое дело маленькое.

И мы заняли очередь.

Куварин потоптался и говорит:

— Вы и мне купите, я ведь вам квас покупал.

Мороженое было вкусное

Мороженое было вкусное, с изюмом и хрустящими корочками, но мне еще больше захотелось встретить кого-нибудь из наших, хотя

бы кильковскую почтальонку. Почта была на площади. Я говорю:

— На почту-то зайдем!...

Вот пришли мы на почту. Я в окошко голову просунул и спрашиваю:

— Где тут у вас кильковская почтальонка?

А мне отвечают:

— Была, да вся вышла.

Смотрю: за стеклом конвертики всякие выставлены, открытки. Я спрашиваю:

— Почему конвертики?

— Пять копеек, — отвечают.

Я говорю:

— Ладно, вы, ребята, идите куда погуляйте. А мне нужно написать письмо.

— Не потеряться бы нам, — говорит Коля.

А Санька с Ванькой говорят:

— Мы тут, под дверью будем стоять.

Выбрал я самый красивый конверт с цветами, отдал за него пять копеек. Сел за стол, обмакнул ручку в чернила и начал писать.

«Лене Скворцовой от Антона Ивановича Иванова. Письмо. Лена, я ведь говорил, чтобы ты не ела щавель, а ты ослушалась, и вот теперь у тебя понос. Но это пройдет, ты не думай, у нас тоже бывает, надо бы тебе черники, а ее сейчас нет, а то бы я в лес сбегал и мигом набрал корзинку, знаешь, сколько у нас черники возле Березниц! У нас все есть. Красная

Гора мне не понравилась, уж больно песку много и сухо, но зато у вас мороженое продают. Лена, мы ели мороженое и пили квас, квасу мы еще выпьем, а домой все равно поедем на Агафоновой, это Куварин предложил, знаешь, я думал, что он пропащий, а он парень ничего. Лена, еще напишу тебе про Митю и про Любу, но это в другой раз. Лена, давай переписываться — я тебе письмо, а ты мне письмо, у нас почтальонка каждый день носит. Только Куканову не говори. Остаюсь, под сим подписью поставил: Антон».

Послунял я конверт, письмо это в него запечатал, а на конверте адрес написал:

«Красногорский лагерь, пионерке Лене Скворцовой (больной)».

Пока я писал, Федяра несколько раз в дверь заглядывал. Когда я вышел, он и говорит:

— Знаем, знаем, кому ты письмо писал!..

Я говорю:

— Молчи, малявка!

А он говорит:

— Знаем, знаем...

Я говорю:

— Вот по шее сейчас как дам!

Но мне не хотелось давать Федяре по шее. Это я для острастки ему сказал.

Вон дядя Коля

— Во-он дядя Коля! — говорит Санька. — Во-он почтальонка!

— Побежали! — кричит Ванька.

Я говорю:

— Тише, вы, тише! Сдурели, что ли? Нам и показаться ему нельзя, ведь мы неоплатные должники!

— Это верно, — Коля говорит. — Худо будет.

Федяра шепчет:

— А может, простит?..

Я говорю:

— Не-ет, мы уж на Агафоновой, правда, Куварин?

Куварин отвечает:

— Правда.

Федяра говорит:

— Эх вы, ну тогда давайте за ними следить.

Стали мы следить, как люди в наш автобус влезают. Вдруг вижу, дядя Коля площадку оглядывает, будто кого-то ищет. Нас заметил, руками замахал и кричит:

— Эй, вы! Ну, чего стоите! Давайте сюда!

Ах, думаю, вылезать-то не надо было! А мы уже и не стоим! Бросились мы в переулок

между почтой и парикмахерской, какая-то собака за нами погналась, да сразу и отвязалась.

— Эй, — кричу, — в боковушку давайте, вдруг он за нами бежит!

А из-за угла вдруг выходят четверо пацанов. Один на нас пальцем показывает и кричит:

— Вот они! Эти самые!

— Да не эти мы! — кричу. — Промашка вышла! — но поздно уже, бежать надо.

Что ты будешь делать, облава со всех сторон!

Несемся мы между сараями, на грядки какие-то наступаем, заборчики перепрыгиваем, от цепных собак шарахаемся, а впереди всех Куварин, рраз! — и он уже рядом с матерью стоит. И мы стоим рядом с его матерью, картошкой вроде торгуем, а кто хочет нам чего сказать, будь любезный, за прилавок не заходит. Не положено за прилавок!

Но никто к нам и не заходит, пусто на базаре, ни одной души нет, только Куварина мать семечками поплеывает. Кепку увидела:

— Ну-ка, — говорит, — ну-ка, почему?

Что-то ей там рассказывал Куварин, и она

ему что-то рассказывала, а мы в стороночку отошли, наше дело маленькое, да ведь и далеко от них не уйдешь — пропустишь Агафонову, как потом домой доберешься. Автобусы все разъехались, людей нет на площади, ничего не продается — ни мороженое, ни квас.

Вдруг страшно мне стало, как вспомнил я и лес дикий, и чужую эту дорогу, на которой нас чуть было не бросили, и все потемнело в тот же момент. Я думаю: отчего ж это мне так все немило, глянул в небо, а это вот отчего — по небу тучи синие ползут, заворачиваются друг в друга, по правой руке мгла и тянет с той стороны ветерок.

Я говорю:

— Никак гроза собирается!

Федяра говорит:

— Не ко времени...

Санька в небо смотрит.

— Хорошо бы дождика, в деревне-то ждут.

— А может, он мимо деревни пройдет, — говорит Федяра, — деревня-то во-он где, а туча вон куда катит!

Коля спрашивает:

— Где-е? Там деревня? Вон где деревня! По левую руку.

— Вон в какой стороне деревня! — Федяра кричит.

Слушал я, как они спорят, глядел, как пальцами тычат, и вдруг подумал, что не одна ведь наша деревня дождя просит, вон сколько мы деревень проезжали, всех пылью припорошило, у каждой в горле свербит.

— Да полно вам, — говорю, — спорить. Деревень много в нашей стороне, и всем дождика хватит, потому что дождик, по всему видать, будет большой, хлесткий.

Только я это сказал, а в небе как чиркнет, по всей площади вихрь как закрутит, бумажки как заметет!.. Закричали куры, бросились со всех ног к своим дворам, пыль поднялась аж до телеграфных проводов, люди бегут — двери с окнами затворяют. А тут капли зашлепали, застучали, вся земля вмиг стала в темных пятнах.

Бросились мы к автобусной остановке, к навесу, вдруг слышу я — сзади Куварин кричит. Силятся они с матерью мешок поднять, чтобы

тащить его, а силенок у них не хватает, мать только что из больницы выписалась, немочь бледная, где же ей столько картофелю таскать! Побежали мы с Колей им на подмогу, а вверху ка-ак хрястнет! Будто лопнуло все небо поперек себя! Куварина мать мешок бросила, закрестилась, я кричу:

— Куда на мокрое-то мешок бросили!

А дождик тут еще припустил. Затолкали мы мешок кое-как под прилавок, и в этот миг такой ливень грянул, что все кругом затряслось и затрепыхалось. Забились и мы под прилавок, сидим посреди всякого мусора и шелухи, Куварина мать вся дрожит от страха.

— Ах, батюшки, — говорит, — на земле сидим, вот молния-то нас тут поразит!

Я говорю:

— Какой еще паразит?

А она отвечает:

— Какой паразит? Я и не говорю: паразит. Я говорю: убьет нас молния-то!

А вверху и в самом деле во как трещит! И трещит и хлещет! И хлещет и вспыхивает! Ничего впереди не видать — водяная пыль столбом. А прилавок-то наш потек. Текут струйки, кому на голову, кому за шиворот, мы от них знай уворачиваемся да шипим.

Сидели мы, сидели, гром уже в сторону относить начало, вдруг впереди нас босые ноги зашлепали. Федяра и Санька с Ванькой перед нами на четвереньки встали, раздетые, в одних трусах, смеются и кричат:

— Вы чего здесь запрятались, дождя испугались, айда, побегаем, поскачем по лужам, знаете, как хорошо скакать!

Течет с них в три ручья, а они все смеются. Тут и у меня будто какая-то пружина внутри разжалась.

Я кричу:

— Колька, чего это мы в шелухе тут сидим!

Скинули мы рубахи, штаны и вылезли к ребятам под ливень. И Куварин с нами. Мать ему:

— Гошка, вернися, убьет!..

Не вернулся Куварин.

— Дождик, дождик, пуще! — кричит.

Нет, он парень не худой.

Как же так получилось

Как же так получилось?.. Гоняли мы по площади, брызгались, целые фонтаны из луж вышибали. Дождик к тому времени утих.

Вдруг Коля как закричит:

— Агафонова! Агафонова!

Смотрим — машина по площади едет, воду колесами рассекает. Мы — к ней.

— Агафон! — кричим. — Агафоша!..

Прыгаем вокруг, за борта хватаемся, а Агафон нам гудит. В самом деле, негоже это — возле машины прыгать.

— Санька! — кричу. — Куда!.. Ванька! Под колеса захотели? А ну отцепись!

Остановился Агафон возле базарных лотков и спрашивает:

— Вас что это столько здесь?

Я говорю:

— Да вот... тебя ждем.

— Зачем ждете?

— Стало быть, — говорю, — ехать надо.

Агафон кричит:

— На чем ехать?

Я кричу:

— На чем, на чем!..

Не на тебе, чай! Места у тебя, что ли, в кузове мало?

— В кузове? — кричит Агафон. — Ах, в кузове!.. Поди взгляни!

Полез я на колесо, слышу, чем-то сильно несет, запах такой дурной, едкий.

— Чего это у тебя тут? — кричу Агафону. — Никак барда!..

— А ты думал, пуховые перины?

Батюшки, думаю, что же делать, барда — это ведь корм для свиней, отходы пивного завода, как в ней поедешь, в ней не только ехать, а противно рядом стоять.

Слез я на землю, смотрю на Агафона, а Куварин с матерью уже в кабине сидят.

Я говорю:

— Куварин, ты почему ж не сказал, зачем Агафон в город поехал?

Куварин из кабины как закричит:

— А почему я знал!

Я говорю:

— Эх ты, Куварин... Вот тебя бы макнуть в барду.

На ребят гляжу. У них у всех губы вниз опускались, Федяра чуть не плачет.

— Агафо-он, — тянет, — Агафон, нас сегодня уже один раз бросали, не оставляй...

— Ну, садись, садись на капот! — Агафон

сердится. — А места мало будет, так мне на шею полезай! Так, что ли?.. Охламоны какие. Вот скажу отцам, где вас черти носят.

Коля просит:

— Не говори, Агафон, мы пешком дойдем!..

— Натопаетесь еще. А сейчас ждите. Тут в Антониху пойдет фургон.

Отшумел дождик

Отшумел дождик, вроде его и не было. Ворчат тучи далеко над лесом. Площадь чистая стала, потемнела, текут по ней мутные потоки. Куры вышли на охоту за дождевыми червями.

С навеса в лужу капли со звоном падают: кап!.. кап!..

Чужие люди сидят на лавках, ждут фургона на Антониху.

Я все спрашиваю:

— Когда он будет-то?.. Доколе его ждать?

— Не знаем, — отвечают, — сами ждем.

Коля говорит:

— Айда пешком, есть-то как охота.

— Не, — говорит Санька, — мы с Ванькой потерпим, нам не дойти...

И усаживаются на лавочку.

Какая-то тетка мешок развязывает и говорит:

— А ну-ка, у меня тут есть батон.

Стали мы жевать, смотрю, ребята мои сидят, как сироты, носами шмыгают, босые ноги под себя подбирают и смотрят непонятно куда. А тетка, которая батон нам дала, да и другие пассажиры так жалостливо на нас поглядывают. Этого, думаю, еще не хватало!

— Санька! — говорю. — Утрись! Ванька, то же самое. А ну, седлай боевых коней, затягивай потуже подпруги, поскачем сейчас с вами вперед, пока будет возможность, все ближе к дому продвинемся.

— Не, — говорит Санька, — мне в кавалеристы играть неохота.

— И мне неохота, — говорит Ванька.

— А чем же тогда будем заниматься?

Федяра тогда говорит:

— Давайте запруду устраивать, вот время и пройдет.

Набрали мы возле остановки камней, побросали их в самый большой поток, а дыры мокрым песком залепили, получилась плотина. Вода все накапливается возле нее, накапливается, мы ее и так и этак со всех сторон дамбами закрываем, ну, думаю, сейчас будет ГЭС. Вдруг обвалилась в один миг наша дамба, закрутилась мутная пена, хлынул весь поток прямым путем под ноги пассажирам.

— Авария! — кричу. — Дамбу прорвало!

Закричали тут пассажиры, с лавок попрыгали, расхватывают свои мешки и чемоданы, поджимают ноги.

— Ах вы окаянные! — кричит. — Что хотят, то и делают, вот чертова вольница, никуда от них не денешься!

— Везде найдут, проклятушние!..

Тетка кричит:

— Они смирно сидели, это вон тот уша-
стенский их хулиганничать наущал!..

— Надрать ему уши!

Что ты будешь делать, кричат, пальцами на
меня показывают, не понимают, что дамбу

прорвало, а мне сразу с ними сидеть расхоте-
лось, я говорю:

— Догонит фургон-то нас, пошли. Чем
тут околачиваться, мы потихоньку к дому
пойдем.

А дальше-то что случилось

А дальше-то что случилось, дальше вышло
самое неожиданное! Только мы отошли от на-
веса, глядь — на площадь влетают два велоси-
педиста. Батюшки, думаю, кто ж это такие?
Да ведь это Тришка! Да ведь это Шурка Ша-
ров! А за ними еще трое катятся: Сизиков Ни-
колай и братья Орловы.

Мы как закричим:

— Наши!.. Да ведь это наши!

А Шурка как закричит:

— Вот они!..

Бросились мы к ним, а они с велосипедов
попадали, еле на ногах держатся, мокрые все,
грязью заляпанные.

— Это вы? — кричу, глазам своим не верю.

Они дышат тяжело, а улыбаются.

— Да мы это, мы...

Стали мы тут толкаться, по плечам друг
друга ударять, а я-то кильковских чуть не об-
нимаю, наши ведь это, наши, ах ты, и они ра-
ды, стоит от нас на площади сплошной крик.

— А вы-то чего!

— А мы-то чего!

— А дождь-то, а гроза какая!

— А плевать, зато встретились!

— Вот ка-ак!

— Ишь ты-ы!

Я у Шурки спрашиваю:

— Шурка, вы зачем сюда на велосипедах
поехали?

А он отвечает:

— Мы сначала, как Сизиков нам рассказал,
думаем: не бывать вам первыми у городских
пионеров! А потом Агафон нам навстречу по-
пался, езжайте, говорит, скорей, там равен-
ские одни пропадают, мы и газанули!

Я говорю:

— Значит, вы за нами?

— Выходит, что за вами.

Я говорю:

— Вы, кильковские, молодцы.

А кругом кричат, уняться никак не могут:

— Ну, как там у нас?

— Ну, как тут у вас?

— А мы мороженое ели!

— А мы автобус встретили!

Я говорю:

— Шурка, а пионеры-то лежат больные жи-

вотами, объелись, стало быть, а Митю мы не
нашли, значит, Люба за Славку вашего вый-
дет, это нам обидно...

А Шурка отвечает:

— Это все вранье! Ошибка вышла, вчера к
Славке из городу невеста приехала, свадьбу
замышляют, а Любу он по дружбе и товари-
ществу провожал.

Эх, весело мне стало! Я кричу:

— Вот как!

Ничего еще, думаю, не пропадет наша дерев-
ня, жить можно.

— Шурка! — кричу. — А мы тоже, время
придет, вас выручим! Верно, пацаны, мы киль-
ковских не оставим?

— Факт, не оставим!

— А ну, садитесь, — говорят кильковские, —
поехали, будем по переменке крутить.

Коля говорит:

— По переменке мы куда хочешь уедем.

Уселись мы по двое на велосипеде, один пе-
дали крутит, другой на багажнике сидит. Воз-
дух чистый после грозы, лес смолу источает,
едем мы и друг с другом перекликаемся.

Коля кричит:

— Шурка, знаешь, какие местные красно-
горские вредные! Нас вон как по огородам го-
няли, давайте мы соберемся вместе как-нито и
красногорских-то приструним!..

А я кручу педали и думаю: эх, мать честна,
все не так, глупость какая выходит, вовсе и не
так надо делить. Я говорю:

— Колька, не так ты все делишь-то, гляди,
мы в своей деревне какую одиночку вырасти-
ли — Куварин-то, Куварин!.. Вон кого надо
учить!..

А земля у нас, думаю, вон какая большая,
спорить нам не пристало, какое место лучше,
кто где хочет, тот пускай там и живет, и всяко-
му, конечно, свое место дорожке, вот я, к при-
меру, прирос к нашей деревне Равенке, она у
нас на горке стоит. Ветерок дунет — ни слеп-
ней нет, ни комаров. По берегу крутому вязы
растут, а за рекой луга заливные...

Мы, когда подъезжали, во все глаза глядели
на свою деревню, так сильно соскучились. А у
меня в голове стишок трепыхался: вот моя де-
ревня, вот мой дом родной.

Конец

СПЯЩИЕ ОБЛАКА

РАССКАЗ

Н. Сладков

Бешеный ветер срывает с ледяных горных вершин тучи летучего снега. Низкое солнце зажигает их золотым огнем. И кажется, что за каждым снеговым конусом лениво колышется на ветру холодное желтое пламя. Белые вершины вздымаются в небо, как гигантские белые свечи с золотыми лезвиями огня. И неистовый горный сквозняк раскачивает и клонит тяжелое пламя...

Снизу к вершинам поднимается ночь. Долины внизу уже залила тень — как черная густая вода. И тень эта ползет все выше и выше. И небо темнеет. Зато ярче и ярче разгораются свечи вершин. И желтое пламя летучих снегов колышется теперь уже не на дневном голубом небе, а на черном — глубоком и синем, как океан. Горы горят...

С туманной равнины к горам движется белый прибой облаков. Непривычно смотреть на облака сверху. Пенистые гряды взволнованных облаков накатываются на горный кряж, как на морской берег. Они уже затопили предгорья, вливаются в заливы — ущелья, окружают невысокие вершины, превращая их в острова. Облака торопятся на ночлег. Клубясь и дымясь, они упорно ползут все выше и выше по склонам и, обессилев, откатываются назад. И тогда в зазор у черного кряжа видна сумрачная подоблачная глубина.

Прилив и отлив.

Багровое солнце медленно тонет в облачную пелену, окунается в нее с головой, и белое море пенистых облаков внизу вдруг становится красным!словно солнце раскалило облака докрасна!

И вот от черных гор до далекого мутного горизонта легла красная зыбкая равнина. И теперь уже красные валы накатываются на крутые берега, красные заливы вклиниваются в ущелья,

из красного моря торчат черные острова горных вершин.

Протыкая пелену снизу вверх, словно играющие рыбы, взлетают из красных волн черные грифы. Спиралью ввинчиваются они в густосинее небо на неподвижных своих крыльях, а потом тяжело машут, направляясь к «берегу» на ночлег.

Красное море колышется все тише и тише и наконец засыпает. Теплый живой его свет начинает потихонечку меркнуть. И вот уже снегом, морозом и льдом потянуло от потемневшей и посиневшей равнины. И уже это больше не море, а белая тундра в полярную ночь. Облачные сугробы и торосы, темные бездонные полиньи.

Луна нестерпимо лазоревая и заиндевелая. Звезды большущие и звонкие, как ледышки. Хвост Большой Медведицы увяз в облаках, как в снегу. Тишина. И только далеко-далеко внизу, в темной подоблачной глубине, слышен нестихающий гул подоблачных водопадов...

Мы дышим на пальцы, и зеленый пар клубится у глаз, словно мы надуваем и никак не можем надуть зеленые резиновые шары. Сырые плащи на нас задубели, они скрежещут и громыхают, как кровельное железо. И на сгибах цинково светятся инеем.

Сидеть и дрожать нам до самого рассвета. Пока солнце снова не зажжет снега на вершинах. Пока снова не заколышутся за ними полотнища летучего огня. И день начнет не спеша спускаться с вершин в долину.

ОТВЕТЫ

НА

ГОЛОВОЛОМКИ

В „КОСТРЕ“

№ 4

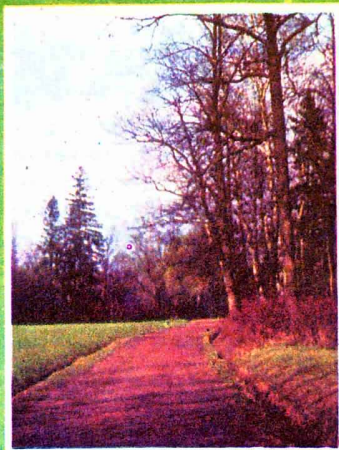
„Гербы на щитах“:

«Гарольд коротконосый», «Баярд меднолобый».

„Случай с пограничником“:

Сержант посадил в лодку медведя и нарушителя. Оставил на другом бе-

регу медведя, вернулся с нарушителем и взял мешок сахара. Сахар и нарушителя оставил на другом берегу, вернулся с медведем и взял Джульбарса. Оставив на другом берегу нарушителя, сахар и Джульбарса, он в четвертый раз вернулся с медведем и взял мотоцикл.

И. Сурина,
инженер
зеленого
строительства

ЗЕЛЕНОЕ ДЕРЕВО

В парке рубили деревья. Звон топора привлек немногочисленных в осенний день посетителей. Стихийно возникло решение идти в дирекцию. Ведь парк-то какой?! Старинный! Известный на весь мир своей красотой!

— Мы и рубили деревья, чтобы парк стал еще лучше! — сказали в дирекции. — Взгляните!

Громадный макет занимал половину комнаты. Это был парк, увиденный с высоты.

— А вот таким он станет, когда закончатся реставрационные работы, — из макета быстро вынули несколько групп деревьев, и... светлыми стали поляны, четкие плавные контуры появились у рощ.

— Значит, красота не в количестве деревьев? — задумчиво спросил один из посетителей.

Часто считают парк чем-то вроде леса, только с оградой. А это произведение удивительного искусства, которое сродни скульптуре, живописи, архитектуре, — его называют по-разному: садовое искусство, ландшафтное искусство, ландшафтная архитектура. Художник, который создает парк, использует не краски, не глину, а деревья, цветы, травы, землю и воду. Он рисует растениями, он лепит из крон и стволов и при этом не может быть неучем, потому что деревья, цветы и травы, вода и земля живут своей особой жизнью и подчинить их законам красоты можно лишь зная законы природы.

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ИДЕИ

На высоком откосе стоит дворец. Внизу раскинулся парк. А в парке и на террасах перед дворцом — великое множество фонтанов! Струи их

стекают в ковш-водоем, соединенный прямым каналом с Финским заливом. Рассказываю я о Петродворце. Этот парк известен во всем мире.

Зачем в прохладном и влажном климате столько водных затей?

Ответ находим в истории.

Россия в начале XVIII века завоевала право быть морской державой.

Не случайны каналы, фонтаны, каскады. Выходи к морю! Вот что означают они. А дворец на возвышении — символ крепкой государственной власти.

Садово-парковое искусство, как и всякое другое, отражает наиболее яркие события своего времени.

1945 год. Закончилась Отечественная война, и ленинградцы решили заложить два парка Победы. Родилась идея...

Я помню, как мы работали на первых воскресниках. Высаживали крохотные деревца, почти прутики. И

плохо представляли, какими станут парки. Но в воображении авторов, в чертежах и рисунках они уже существовали.

Каждой весной и в начале лета я работаю в этих парках. Если бы сразу тонкие прутики сажали редко, парк выглядел бы голым, а деревца могли погибнуть. Поэтому у нас существует такой прием — загущенные посадки. Но теперь деревьям тесно. И вот часть их мы выкапываем и увозим в районы нового строительства. Много было высажено в первые годы быстрорастущих, но недолговечных пород — тополь, ива. Теперь мы заменяем их дубами, вязами, красиво цветущими кустарниками.

Сегодня 1970 год. Но строительство парка еще не закончено. Идея, вдохновившая создателей, приобретает все более зримые черты, а выражается она особым языком, присущим именно садовому искусству.

ДВОРЕЦ ИЗ ЖИВЫХ ВЕТВЕЙ

Францией в семнадцатом веке правил Людовик XIV. Лыстивые придворные называли его королем-солнцем. Людовику XIV захотелось создать парк, какого не было на свете. При дворе состоял на службе мо-

лодой садовый архитектор по имени Ленотр. Он был наделен редким талантом — умел в воображении заполнять огромные пространства деревьями, травой, водой, находя точные соотношения между ними.

Двадцать лет продолжалось строительство.

Ленотр посвятил парк богу Солнца и искусств Аполлону. Поэтому главная аллея начинается от фонтана Латоны — матери Аполлона. Слева и справа от фонтана раскинулись цветники, ограниченные стеной высоких деревьев. Стена рассечена коридором шириной в 60 и длиной более 300 метров, на этом огромном пространстве растет простая стриженная трава. Это знаменитый зеленый ковер Версаля. А дальше залитая солнцем площадь, и в центре ее бассейн

Аполлона. Из фонтанных струй кони выносят колесницу бога Солнца прямо в небо.

Деревья образуют прямоугольные или квадратные рощи — боскеты. В каждом — затея: лабиринт со скульптурами зверей из басен Эзопа, зеленый театр, комната. Парк стал продолжением дворца. Для большего сходства площадки сделали квадратными, круглыми, прямоугольными или овальными, дорожки — прямыми. Такой стиль планировки и посадок называется **регулярным**, или **геометрическим**. В Версальском парке он достиг совершенства.

И в наше время садовые архитекторы применяют регулярную планировку. Загляните в скверы и парки своего города. Попробуйте определить, где в них регулярный стиль.

ЛЕСОРУБЫ В ПАРКЕ?

Один из районов Павловского парка строил в начале XIX века архитектор Гонзаго. Он отмечал наиболее живописные участки, их ограничивали канавами, а остальной лес вырубали — убрали все лишнее. Так возникли замечательные по красоте ландшафты, по-русски раздольные и разнообразные. В центре одной поляны высадили несколько березок, и

этот район получил название «Белой березы». И был он удивительно хорош вплоть до самой войны.

Хоровод берез фашисты срубили на дрова. После освобождения Павловска многие плакали, блуждая по парку и не узнавая его.

Когда выросли новые деревья, стало возможно возродить район «Белой березы». Сотрудница парка Евгения Комарова отыскивала следы канавок, пеньки, сверяя по старым чертежам очертания рощ и полянок. По обмерам и зарисовкам сделали точный макет. Тогда и пришли в парк люди с топорами и пилами, так возмущившие некоторых посетителей. Они повторили работу лесорубов и садовников прошлого.

В пейзажном парке свободно, а не рядами, растут деревья, плавно обгибают их дорожки.

Первые пейзажные парки возникли в Англии в XVIII веке, когда стала бурно развиваться промышленность. Копоть и дым начали отравлять воз-

дух. И людям уже не хотелось, чтобы парки напоминали жилища.

В это же время все чаще европейцы стали добираться до Китая и Японии. В садовом искусстве этих стран главное — настроение. Смеющийся пейзаж — солнечная долина с ручейками. Устрашающий пейзаж — скалы, каскады с нависшими кронами деревьев. Мастера садового искусства не пытались создать скалы и ущелья точно такие, как в природе. Конусовидный холмик с карликовыми соснами у подножья изображал, например, гору Фудзияма.

Когда европейцы узнали об этих удивительных садах, они стали присматриваться к отдельному дереву, к узору ветвей на фоне неба. Люди заново открыли в природе красоту и попытались создать ее в парках нового стиля. Мода на пейзажные парки быстро распространилась по всей Европе. Тогда-то и был создан Павловский парк, один из первых и лучших пейзажных парков России.

МОЖНО ЛИ НАРИСОВАТЬ УСЫ „ДЕВОЧКЕ С ПЕРСИКАМИ“?

Вы видели картину «Девочка с персиками»? Это один из лучших портретов художника Серова. И, представьте, какой-то мальчишка подойдет и просто так, потому что он вообще не любит девочек, нарисует на портрете усы. Пусть девчонка будет бравым казаком!

«В музее!!! — скажете вы. — Нельзя!»

А в парке можно? Наломать сирени, вытоптать траву на парадном газоне? «Нет, — скажете вы, — мы — зеленый патруль, мы сажаем деревья!»

Но всегда ли сажают там, где нужно? Часто весной я вижу такие картины. Вырыты ямки в глубокой тени у самого дома, рядом лежат деревца. А ведь деревца уже обречены на гибель — они не смогут жить в гу-

стой тени. А вот школьники копошатся у живой изгороди. С энтузиазмом окучивают кустики, будто это картошка. Декоративные растения окучивать вредно. Но, главное, такая работа не украшает, а уродует наши сады. Это те самые «усы» у веселой девочки с персиками.

В новых кварталах каждый хочет посадить свое дерево, устроить свою клумбу и даже не подозревает, что для него и до него уже трудились специалисты.

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

Близилась 90-летняя годовщина со дня рождения В. И. Ленина. В городе, носящем имя вождя, решили построить мемориальный парк.

На берегу Финского залива между шоссе и крошкой воды устроили площадку, привезли девяносто крупных лип. Утром 22 апреля сняли брезент

с памятного камня, на нем написано, что парк будет построен в честь 100-летия со дня рождения Ильича.

Закладка обозначила лишь место. Но каким будет парк? Первыми за дело взялись архитекторы и инженеры из 14-ой мастерской Ленпроекта. Нарисовали много эскизов, прежде чем решили, в каком месте удобнее расположить детский сектор, где разбить газоны, посадить деревья.

Чтобы проверить, как будут выглядеть отдельные участки парка, сделали очень точные рисунки пейзажа.

А потом составили рабочие чертежи. В них учли все, даже толщину щебня в садовых дорожках и количество кустиков в живой изгороди.

Там, где заложили парк, кипит работа. Земснаряд подымает грунт со дна залива на низкие берега. Где под-

сыпка закончена, строят дорожки и площадки. Здесь разместится мемориальный комплекс, сиреневый сад, детский сектор с фонтанчиками, чтобы побрызгаться в летний день, и декоративными стенками, в которые можно бить мячом сколько угодно. Будут и тенистые рощи. Потому что, конечно же, в парке сажают деревья. А садовник с рулеткой и чертежом в руках определяет места посадок, контуры дорожек и площадок.

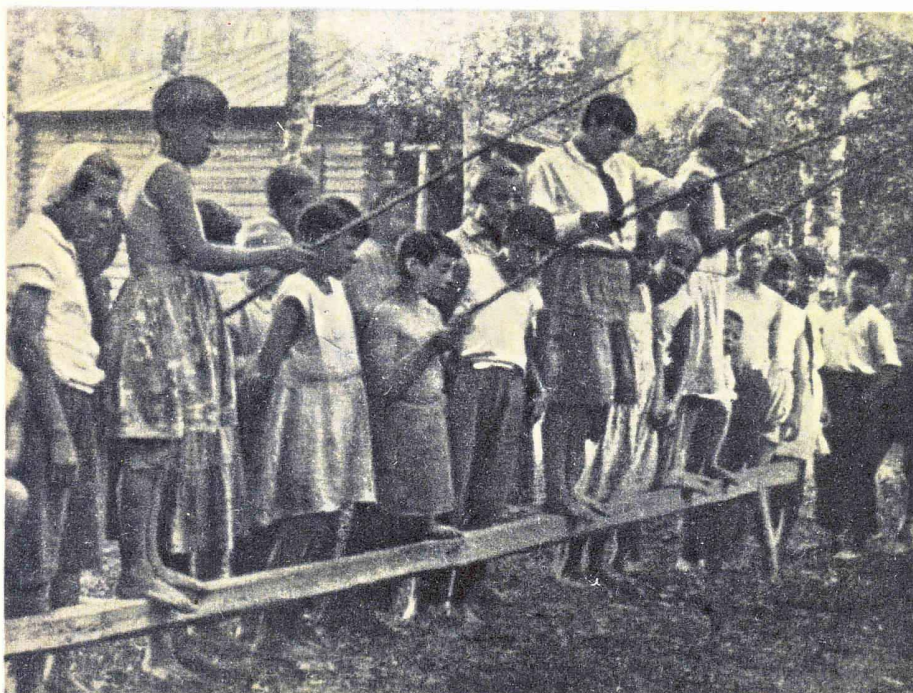
Растения меняют свой облик от весны до осени, меняются они с каждым годом. Из тонких прутиков вырастают великаны. За ними надо ухаживать, надо их беречь в течение всей жизни. Так парк становится произведением искусства, созданным целым коллективом людей, которых именуют озеленителями.

Ровно два года остается до большого пионерского праздника: в 1972 году исполнится полвека со дня создания в нашей стране первого пионерского отряда.

О заботах и радостях сегодняшних пионеров, о славных делах пионерских дружин, о друзьях пионеров во всем мире, о полувековой истории Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина мы и начинаем рассказывать под рубрикой «Пионерии — пятьдесят!»

ДВОЕ У КОСТРА

Что это за карта? Место боев? Но Великая Отечественная война оставила в стороне Вологодские леса... Может, здесь располагались партизаны еще в гражданскую? Места подходящие — леса, болота. Но нет, горячие схватки гражданской войны не коснулись Красавинского уезда.

Почему же Галина Ивановна Коркина, заслуженная учительница РСФСР, так хорошо уже почти полвека помнит эти места? Помнит, как будто все было вчера.

Ночь. Темно, хоть глаз выколи. И холодно. У костра двое. От света костра тени деревьев вокруг еще темнее и страшнее. Двое вслушиваются в тишину. Боятся.

А чего бояться-то? Подумаешь — лес! Ночь! Ну и что? Ведь их двое. Ведь они у костра! И что тут помнить всю жизнь? — скажете вы.

Нет, не просто лес и ночь. Они стерегут знамя. Лагерное знамя. Могут напасть на отряд кулацкие сынки, могут и попы подговорить своих прихвостней. А уж знамя им ненавистней всего. И галстуки. Смотрят и отплевываются: «Тьфу, сгинь, нечистая сила!» Тем более что недавно отряд промаршировал по деревенской улице с барабаном и ребята пели такие богохульные частушки:

*Не надо нам буржуев, залезем мы на небо,
не надо нам попов, разгоним всех богов!*

Не только в деревнях, но и в городе иные родители даже подходить к пионерам не разрешают.

... Вот и смотрят двое в темноту, пока не заболят глаза, пока не начнет рассвет. А утром надо разбудить горниста, а уж он поднимет весь лагерь.

Многое помнит Галина Ивановна, Галя Коркина:

— Нас было тридцать пять. Не все поверят, что мы обходились без взрослых. Нашим начальником был пионер из старших: ему было четырнадцать. Нашей единственной вожатой, самой «взрослой» — шестнадцатилетняя фабричная комсомолка. Нашими спальными «корпусами» были кое-как зашитые старенькие палатки, матрацами — лапы елок. Чтобы не кололись, застилали их брезентом. Врытые в землю

столбы с рядом тонких осин сверху были нашими столами. Ну а строителями, и поварами, и физруками, и воспитателями, и завхозами, и затейниками уж, конечно, были мы сами. Готовили на таганках. По очереди. Что может быть лучше дымного запаха пшенной каши на подсолнечном масле? Только одно: печеная картошка. «Ах, картошка-тошка-тошка, пионеров идеал...»

Из Красавина мы сами привозили на лошади хлеб. Вначале никто не умел запрягать. Потом научились. Из деревни приносили в ведрах молоко. Заготавливали дрова. Не разделяли работу на мальчишечью и девчоночью — все делали вместе.

Один раз я была костровой. Вдвоем мы должны были разжечь и поддерживать костер три раза в день, чтобы повара все успели сварить вовремя. И вдруг приходит ко мне тетя Надя из города и говорит: «Девочка, не знаешь, где найти Галю Коркину?»

Не узнала! Лицо у меня было черное от сажи! Да и все мы были чумазые, как наша любимая печеная картошка.

Ни к чему было брать пробы наших обедов: мы все равно все уплетали за обе щеки, а добавки часто не хватало. Строгий врач — северное вологодское солнце не всегда разрешало нам ходить босиком, но мы закалялись, да и обувь берегли. Нашей обязательной пионерской формой был только галстук. Можно было ходить в одних трусах — но в галстуках. Пусть все видят, что мы — пионеры!

Дел было по горло: изучали политграмоту и международное положение, каждый вечер у костра спорили о мировой революции: когда она будет — через год или через пять? Даже игры не были вполне беззаботны: мы готовились к будущим боям с буржуазией и контрой, играли в красных и белых, оттачивали ловкость и меткость, целились в нарисованные вражеские физиономии — английского лорда Чемберлена, местного кулака — укрывателя хлеба, городского спекулянта — нэпмана. Мы изучали топографию, ориентировку на местности, азбуку Морзе. Наши походы тоже не были только веселым туризмом: мы учили грамоте крестьян из дальних деревень, агитировали за советскую власть. Нашими почетными гостями были деревенские ребята: мы помогали им организовать пионерский отряд...

А под парусиновым навесом, натянутым на столбах — в нашей пионерской комнате — стояло лагерное знамя, горн и барабан. Знамя охраняли день и ночь. Почетный караул у знамени стал потом пионерской традицией.

Записала беседу С. Скибинская

СЕГОДНЯ В «ОРЛЕНКЕ». Фото А. Ритова

КОНЕЦ „МОРСКОГО РАЯ“

Я. Липкович

БОРТ ЛАЙНЕРА «ВИЛЬГЕЛЬМ ГУСТЛОФФ».

(11 ПАЛУБ... ДВА ТЕАТРА... ДВА ОГРОМНЫХ ЗАЛА — ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ И ГИМНАСТИЧЕСКИЙ... ЗИМНИЙ САД... РЕСТОРАНЫ И БАРЫ... ПЛАВАТЕЛЬНЫЙ БАССЕЙН... СИСТЕМА ИСКУССТВЕННОГО КЛИМАТА...)

Хайнц Шен человек маленький. Должность его — ассистент мажордома, что-то вроде помощника коменданта. Но перед уходом лайнера из Готенгафена он на несколько дней стал весьма заметной и влиятельной персоной.

Перед ним заискивали даже важные фашистские офицеры и чиновники: «Вам сигару или сигарету, дорогой Шен? Прошу! Знаете, милый, у меня к вам просьба. Вы не могли бы устроить мне отдельную каюту? О, я понимаю, здесь так тесно. Но я никогда не забываю даже мелких услуг».

И Хайнц Шен устраивал, хотя это было нелегко — ведь на каждую свободную каюту претендовало несколько человек. Предпочтение он, конечно, отдавал гестаповским значкам, эсэсовским погонам и кожаным регланам партийных шишек...

Вся фашистская верхушка, драпающая из Восточной Пруссии, Прибалтики, Польши и Померании, узнав, что вот-вот на запад пойдет лайнер «Вильгельм Густлофф»,

*Из радиограммы
в штаб бригады
подводных лодок Балтийского Флота:*

„Быстрое продвижение частей Красной Армии, имеющих одним из операционных направлений Данциг, вероятно, заставит противника в ближайшие дни начать эвакуацию района Кенигсберга. В связи с этим надо ждать резкого усиления движения транспортов противника в районе Данцигской бухты. Информируйте командиров подводных лодок, находящихся на позиции, об этой обстановке...“

Из разговора в штабе:

— Некоторые лодки уже и сейчас находятся поблизости от Данцигской бухты!

— Вы имеете в виду „С-13“?

— Да, Маринеско...

— Но квадрат у него большой. Надо, чтобы он занял позицию у южной кромки своего района. Там скоро будет самое бойкое место!

На борту подводной лодки „С-13“:

— Лев Петрович, отдайте команду: лево на борт, лечь на курс 180 градусов!

— По местам стоять! К погружению!

— Все вниз!

— Принять главный балласт!

— Погружаться на глубину 40 метров!..

— Держать ход три узла!..

Лодка погрузилась и взяла курс на маяк Риксгефт...

решила отправиться на нем — все-таки там удобства, которые отсутствуют на других кораблях. Правда, командование учебного дивизиона подводников — «Вильгельм Густлофф» был их плавучей казармой — пробовало возражать: «Господа, мы не против, но вам будет неудобно, в пути мы намерены продолжать занятия...» В ответ на это был представлен приказ Форстера, гаулейтера Данцига, в котором «Вильгельму Густлоффу» предписывалось принять на борт еще четыре тысячи человек.

Последним свободным помещением был плавательный бассейн, но и его скоро заняли эсэсовки. Впрочем, оставались еще три сообщающиеся между собой свободные каюты — апартаменты Адольфа Гитлера. Туда долго никто не решался въехать. Смелчаком оказался обербурггомистр Готенгафена...

27 января 1945 года, то есть на третий день после начала погрузки, на «Вильгельме Густлоффе» уже около пяти тысяч человек.

А у трапов по-прежнему давка.

Внутри лайнера невозможно пройти. Люди сидят в проходах, в стальных нишах и даже в местах общего пользования. На верхней палубе, где ветер сбивает с ног и все железо покрыто толстым слоем инея, тоже виднеются человеческие фигуры.

Хайнц Шен был в полном недоумении. Судя по спискам, на лайнере должно быть около шести тысяч человек. А их уже тысяч девять, не меньше...

НА БОРТУ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ «С-13».

Миша стоял рядом с Иваном Антиповым и смотрел, как тот перекладывал вертикальный руль, держа лодку на заданном курсе...

Время от времени Миша кланчил:

— Дашь мне разочек переложить руль? Всего разочек?

— Ладно, — наконец уступил Антипов. — Только разок. А то увидит командир...

— Спасибо! — обрадовался Миша.

Миша Золотарев — воспитанник экипажа. Ему нет и четырнадцати, но он уже до лодки один год провоевал на морских охотниках. А потом решил стать подводником. И опасностей больше, и форму выдают что надо!

И Маринеско взял его.

Взял, как потом, смеясь, говорил, на свою седую голову.

С самого начала был уговор: о боевых походах и не заикаться, дожидаться возвращения команды на берегу. И вот, когда лодка вышла в поход и уже была на внешнем рейде, командир приказал произвести пробное погружение. Вдруг прибежал бледный, как смерть, старший рулевой-сигнальщик Виноградов. В его обязанности входил осмотр верхней палубы перед погружением.

— Товарищ капитан третьего ранга! Мишка в надстройке!

Все бросились туда и видят: сидит в надстройке, скорчившись, Миша Золотарев. Еще бы минута, наполнила вода ограждение — и все!

— Золотарев, ко мне! — крикнул разъяренный командир.

Миша здорово струсил. Таким сердитым он командира никогда не видел. Но делать нечего — подбежал.

— Товарищ капитан третьего ранга, воспитанник Золотарев по вашему приказанию явился!

— По моему приказанию вы должны быть там, на берегу! Кто вам разрешил идти в поход?

От того, что командир впервые назвал его на «вы», Мише совсем стало нехорошо.

Маринеско приказал вахтенному офицеру:

— Сообщите в штаб бригады, пусть решают, что делать — возвращаться в базу или следовать дальше...

Потом обернулся к Мише и вдруг закричал:

— А ну, марш в лодку! Бегом!

Миша в одно мгновение проделал путь от рубки до первого отсека. Забился в угол и сидел до тех пор, пока не пришел радист Булаевский и сказал:

— Командир решил не возвращаться. Примета плохая...

Но это было двадцать дней назад.

А сейчас лодка, послушная рулю, шла строго по курсу.

Миша точно повторял все движения, которые обычно производил Антипов.

БОРТ «ВИЛЬГЕЛЬМА ГУСЛОФФА».

Люди проснулись рано — едва только сквозь стекла проглянул серый рассвет. Всю ночь колотила по обшивке метель и выла человеческими голосами. Под утро она стихла. А может быть, просто на какое-то время о ней забыли, перестали замечать. Радостное

чувство, что вот, наконец, настал день отъезда, постепенно сменялось беспокойством. Уже шесть... семь... восемь... девять часов, а лайнер все еще не трогается с места.

Кто-то пытался выбраться на верхнюю палубу, посмотреть, что делается кругом, но так и не дошел до нее — все трапы забиты людьми. Зато стало известно, что там, наверху, прямо столпотворение — погружается еще какое-то эсэсовское подразделение. «Но это уже свинство! Мы и так сидим на головах друг у друга! И вообще, почему они здесь, а не на фронте?» — возмущался господин в черном кожаном пальто. Но его не поддерживали. В конце концов, не меньшее свинство самому удирать, а других осуждать за это!

Около двенадцати часов завывала сирена. Легкий толчок, и лайнер медленно тронулся с места.

К нему присоединились корабли, большие и малые, и все они, на ходу перестраиваясь, занимая места спереди и сзади, справа и слева, гудками оповещали о своей готовности сопровождать его и, если потребуется, сражаться за него.

Это было 30 января 1945 года, в 12 часов 30 минут по берлинскому времени.

БОРТ «С-13».

Лодка всплыла. Александр Иванович Маринеско отдраил верхний рубочный люк и поднялся на мостик. Следом показался старший рулевой-сигнальщик Анатолий Виноградов, с этого момента заступающий на сигнальную вахту. Последними вышли штурман Редкобордов и штурманский электрик Иван Иванович Иванов...

Маринеско разглядел в темноте напряженное лицо Редкоборова.

— Вывел точно! Прямо на маяк Риксгефт! Вон он мигает!

— Хороша погодка, а?

Да, погодка была хороша. Конечно, удовольствия мало, что волны захлестывают мостик, что обжигает и сбивает с ног свирепый норд-вест, что глаза слепят снежные заряды. Но зато труднее обнаружить лодку кораблям противолодочной обороны, а ей самой легче, прикрываясь высокими волнами, незаметно подкрасться к противнику. Сколько раз, бывало, выручала их такая погода! И от катеров уходили, и от миноносцев уклонялись...

К тому времени, о котором мы ведем свой рассказ, капитан третьего ранга Александр Иванович Маринеско был весьма заметной фигурой на флоте.

Плавал с тринадцати лет. К двадцати годам прошел путь от юнга до помощника капитана теплохода.

Наиболее ярко способности Маринеско проявились в войну.

Вот краткий перечень его боевых дел, которые он совершил до похода к Данцигской бухте.

1941 год. Переход подводной лодки «М-96» через густые минные поля к Рижскому побережью, занятию противником, и сбор разведывательных данных, необходимых командованию.

1942 год. Высадка в фашистском тылу большой группы разведчиков и возвращение с ней обратно. Потопление в финских шхерах немецкого транспорта водоизмещением 7 000 тонн.

1944 год. Боевой поход на подводной лодке «С-13» с целью прикрытия флангов нашей наступающей армии. Потопление в непосредственной близости от базы противника транспорта водоизмещением 5 000 тонн.

В числе первых командиров подводных лодок А. И. Маринеско был награжден орденами Ленина и Красного Знамени.

*Командир подводной лодки «С-13»
Александр Иванович Маринеско*

Александр Волков, командир отделения рулевых сигнальщиков, и Анатолий Виноградов, рулевой-сигнальщик. Эти люди были «глазами» лодки «С-13»

— Товарищ командир! Справа на траверзе на большом удалении постоянные огни!

Все трое так и впились глазами в темноту.

...Есть на подводной лодке две команды, следующие одна за другой.

Первая: «Аппараты, товсы!» — и воздух из баллонов рванется к боевым клапанам.

Вторая: «Аппараты, пли!» Командир отделения торпедистов дернет за рукоятку, и струя сжатого воздуха с огромной силой вытолкнет из аппарата торпеду.

Всего две команды. Но в ожидании их порой проходят часы. А бывает и так, что вместо желанного «пли!» вдруг раздастся «отбой!».

Командир отделения торпедистов лодки Володя Курочкин был чернобородый весельчак широко известный на Балтике борец и футболист. Имелась у него еще одна страсть — любил плотно поесть. Однажды, рассказывали, на спор съел семь порций второго и после этого — на закуску — двадцать раз выжал правой рукой Мишу Золотарева, тем самым окончательно завоевав его сердце.

Сейчас Курочкин и другие торпедисты находились на своих боевых постах и терпеливо ждали команд. Тут же в носовом торпедном отсеке были два «пассажира» — Миша Золотарев и скворец, который из всех команд, услышанных им на лодке, уже хорошо понимал одну, самую приятную — «обедать!».

Тем временем расстояние между лодкой и ходовыми огнями заметно сократилось. В ночные бинокли уже можно было различить силуэты кораблей.

— Тут больше десятка судов! — крикнул командиру Редкобородов.

— Опять какая-нибудь мелочь, — проворчал Маринеско.

— Товарищ командир! — послышалось из центрального поста.

— Да?

— Донесение от гидроакустика Шнапцева!

— Что там?

— «Слышен шум винтов крупного корабля. Предположительно крейсер, идущий большим ходом!»

И вот уже голос Виноградова:

— Товарищ командир! Вижу белый огонь!

Вдалеке показалась крохотная светящаяся точка. Молодец Иван Шнапцев! Не было еще случая, чтобы он

прозевал противника или неправильно сориентировался в звуках. Определить по шуму машин расстояние до корабля, его направление и даже тип может далеко не каждый гидроакустик. Для этого надо иметь особый слух...

Стоявшие на мостике продолжали до рези в глазах всматриваться в черноту ночи. Наконец, удалось разглядеть очертания очень крупного судна.

Маринеско удовлетворенно заметил:

— Ну и громадина! Только что это такое? Очень похоже на док, который тянут на буксире. Но первый раз в жизни вижу, чтобы док буксировали с такой скоростью! Нет, это не док!.. Да это же лайнер! И не меньше двадцати тысяч тонн!

НА БОРТУ «ВИЛЬГЕЛЬМА ГУСТЛОФФА».

С каждым часом лайнер отдалялся от проклятого Восточного фронта и приближался к Килью и Фленсбургу — самым тихим и спокойным портам Германии.

Уверенность, что все кончится благополучно, росла с каждой новой милей.

Когда Хайнц Шен проходил по коридорам, он то и дело задевал ногой спасательные жилеты, которые скинули с себя наиболее беспечные пассажиры. Некоторые сидели в одних нижних рубашках. То там, то здесь мелькали полосатые пижамы.

Беженцы пили, ели, отдыхали, и в их поведении уже не чувствовалось той нервозности, которая была в начале перехода. Снова они стали вежливы и предупредительны друг к другу — ведь все они принадлежали к «расе господ», и это обязывало относиться терпимо к себе подобным.

Каждый из них думал: «Кажется, и на этот раз я выскочил!»

Они не знали, что в эти мгновения всего в каком-нибудь десятке кабельтовых от лайнера решается их судьба.

НА БОРТУ «С-13».

Конечно, риск был огромный: на виду у противника продолжать погоню за океанским лайнером. Впрочем, видят ли их с немецких кораблей или нет, Маринеско

мог только гадать. Но, как опытный моряк, он знал, что не заметить подводную лодку, которая в течение полутора часов неотступно следует за караваном, практически невозможно. Очевидно, ее видели, но приняли за сопровождающий корабль. Тем более, что появилась она со стороны берега, и издали со своей рубкой, слегка возвышающейся над волнами, очень походила на катер... Однако когда Маринеско мысленно ставил себя на место немецких моряков, то приходил к выводу, что лично у него давно бы закралось подозрение. Поэтому он решил быть готовым ко всяким неожиданностям...

На мостик был вызван командир отделения рулевых-сигнальщиков старшина первой статьи Александр Волков, человек, обладающий редчайшей способностью — ночью видеть, как днем. И это не преувеличение. Бывали случаи, когда о появлении противника он докладывал раньше, чем гидроакустики, вооруженные тончайшими приборами...

Расстояние между лодкой и лайнером сокращалось, но очень медленно.

— Ну, так мы его никогда не догоним! — сказал Маринеско. — Николай Яковлевич, проверьте еще раз, с какой скоростью идет лайнер!

— Пятнадцать узлов, — ответил Редкобородов.

— В центральном! — крикнул Маринеско в переговорную трубу. — Увеличить ход до пятнадцати с половиной узлов!

— Есть увеличить ход до пятнадцати с половиной узлов!

Зарываясь носом во встречную волну, лодка набирала скорость. Вода с грохотом падала на мостик и стекала в центральный пост. Стальной корпус дрожал от ударов. Мокрые с головы до ног, сигнальщики и командиры продолжали принимать ледяной душ.

Большую скорость лодка могла развивать только в надводном положении — позиционном или крейсерском. В первом случае на поверхность выходит лишь боевая рубка. Для того чтобы находящиеся на мостике люди могли быстро спуститься вниз, люки должны быть открыты. Но это опасно, особенно, когда на нос лодки обрушиваются мощные волны. История морских походов знает немало случаев непроизвольного погружения лодок, идущих с большой скоростью в позиционном положении с открытыми люками.

Можно было принять крейсерское положение. Но тогда пришлось бы показать немцам не только рубку, но и часть корпуса. Так что оставался один выход — продолжать погоню в позиционном положении...

На всякий случай Маринеско отдал приказание инженеру-механику Коваленко:

— Яков Спиридонович! Задраивайте нижний рубочный люк!

— А как же вы?

— Будем надеяться, что ничего не случится!

Все, кто слышал этот разговор, мысленно одобрили решение командира: если произойдет непроизвольное погружение, главное — спасти лодку...

Лайнер и лодка шли примерно с одинаковой скоростью.

Маринеско приказал:

— В центральном! Увеличить ход до шестнадцати узлов!

— Товарищ капитан третьего ранга! Мы ведь и так даем пятнадцать с половиной! — сообщил появившийся на мостике Коваленко. — Это же предел для лодки в позиционном положении!

— Будем переходить в крейсерское положение!

— Как в крейсерское?

— Вы что, забыли, как это делается?

— Товарищ командир!

— Прикажете продуть главный балласт! Заполнить быструю!.. Самый полный вперед!..

Теперь расстояние до корабля уменьшалось прямо на глазах. Лодка, совсем в открытую догоняющая лайнер, представляла собой совершенно фантастическое, неправдоподобное зрелище...

— 18 узлов!..

— 19,3 узла!..

— Товарищ капитан третьего ранга! Дизеля не выдерживают! Хоть немного бы сбавить...

— Так держать! Передайте по отсекам: догоняем основную цель!

— Заполнить главный балласт! Продуть быструю!

Лодка снова приняла позиционное положение: из него проще погрузиться и уйти от преследователей после торпедной атаки...

В носовом торпедном отсеке такая тишина, что слышно дыхание людей. Даже скворец, сладко спавший на запасной торпедке, проснулся и с удивлением уставился на матросов. Миша Золотарев не отрывал глаз от руки Курочкина — она неподвижно лежала на рукоятке торпедного аппарата. Вся лодка замерла в ожидании одного короткого слова «пли!».

...Было 23 часа 8 минут по московскому времени, когда раздалась команда и торпеды веером устремились к цели.

БЕРЛИН.

Гитлер был вне себя от ярости. Только подумать — за какие-нибудь несколько минут потерять весь резерв офицеров и унтер-офицеров подводного флота! И это не считая нескольких тысяч видных членов партии — почти всей нацистской верхушки северо-восточных районов Германии. И не считая корабля, который он когда-то назвал «морским раем»...

С красными от гнева щеками он бегал взад и вперед по бомбоубежищу, выкрикивая угрозы. Адьютанты едва успевали записывать распоряжения: командира конвоя — расстрелять! На три дня объявить национальный траур по всей Германии! Командира советской подводной лодки считать личным врагом фюрера и рейха и назначить большую сумму за его поимку! После захвата в плен — казнить лютой смертью!

НА БОРТУ «С-13».

Почти пять часов уходила лодка «С-13» от фашистских эсминцев и охотников. Свыше 240 глубинных бомб взорвалось рядом с ней. И только высокое мастерство командира и экипажа позволило лодке выйти из этого неравного поединка целой и невредимой.

Позже заместитель министра обороны СССР, Главнокомандующий Военно-Морским Флотом адмирал флота С. Г. Горшков, говоря о потоплении «Вильгельма Густлоффа», подчеркнул: «История морских войн не знает равного по своим результатам подвига».

„Уголёк“ № 5

ПРО ДЕДУШКУ, ВНУЧКУ И УГОЛЕК

Стоял солнечный, но прохладный день. На поле работали дедушка Андрей и пятилетняя Таня. Таня вытаскивала из мешка картошку, а дедушка сажал картошку в землю. Вдалеке от них на песчаной насыпи горел костер.

Дедушке захотелось погреться, Тане — попробовать печеной картошки. Они быстро собрали хворосту, дед вытащил из кармана коробок, а спичек-то нет! — А ну-ка, внучка, сбегай к дальнему костру, принеси уголек!

Таня подбежала к костру и остановилась: „Как же я возьму и понесу уголек, ведь он жжется?!“ Она собралась бежать обратно, присела, чтобы вытряхнуть из ботинка песок, и, глядя на струйку песка... придумала! Таня принесла дедушке горячий уголек, а вы смогли бы?

Б. Невский

Рисунок П. Швеца

1

ЛЕСНАЯ БЫЛЬ

Однажды по темному лесу
Пошли погулять вечером
СТЕНОГРАФ,
ТИПОГРАФ,
САДОВНИК
И ДРОВОСЕК С ГРИБНИКОМ.

В лесу разбрелись, угощались —
Кто вкусной корой, кто грибом —
Стенограф,
Типограф,
Садовник
И дровосек с грибником.

Но вот прилетела пичужка,
И в рот ей пошли — целиком —
Стенограф,
Типограф,
Садовник
И дровосек с грибником —
Все пятеро жуков!

ВОТ ТАК ВСТРЕЧА!

Шестиногий
НОСОРОГ
Ловко лезет
На цветок,
А уж там
МЕДВЕДИЦА
На припек
Греется...
Увидела
Носорога,
Испугалась,
Недотрога,
Крылья
Вскинула
Легко,
Улетела
Далеко!..

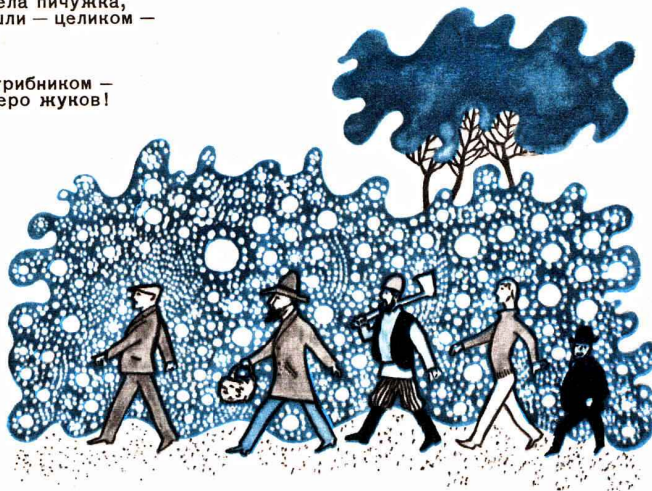

АДМИРАЛ

Я шел по лужайке.
Гляжу —
АДМИРАЛ...
Я тихо подкрался к нему
И — поймал!
Поймал!
Наконец-то поймал адмирала!..
Богаچه
Коллекция бабочек
Стала!

А. Шибаев

Рисунки О. Зуева

Художник прочел стихи Александра Шибаева и сразу же нарисовал к ним картинку. Увидел эти картинку ученый энтомолог (он изучает насекомых) и захохотал: «Ха-ха-х Чепуха!» Пришлось художнику рисовать снова...

3

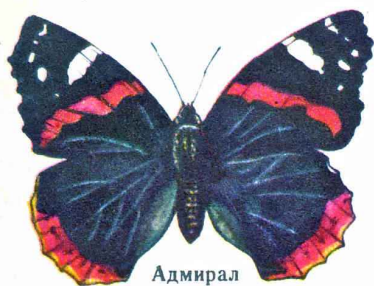
ЕДЕТ МИШКА НА ТРАМВАЕ

Никого не задевая,
От кушетки до дверей
Едет Мишка на трамвае
И других везет зверей.
Он решил залезть всех выше.
Для чего ему в вагон?
Гордо глядя,
Сел на крышу,
За дугу схватился он.
Вот куда залез мохнатый!
Неуклюж, зато хитер:
Сам — кондуктор,
Сам — вожатый,
Пассажир и контролёр.

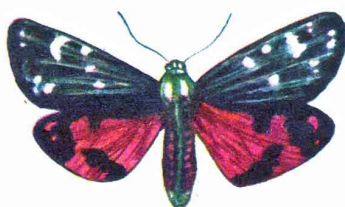
Н. Гольдин

Рисунок П. Швеца

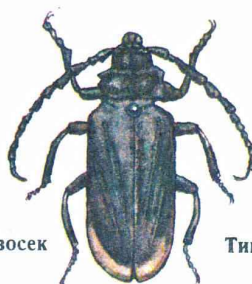
2

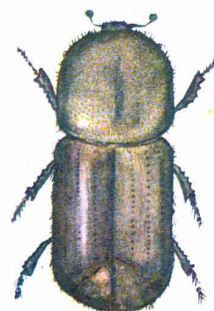
Адмирал

Медведица

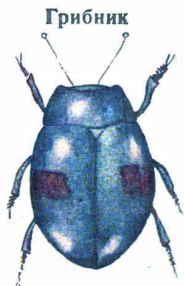
Дровосек

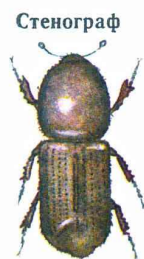
Типограф

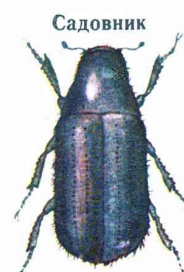
Носорог

Грибник

Стенограф

Садовник

«Вот теперь вы нарисовали правильно, — сказал ученый, — а читатели «Уголька» пусть тоже нарисуют и пришлют нам портреты красивых и полезных насекомых. За лучшие картинки будет выдан приз — веселая книжка А. Шибаева с его собственной надписью».

4

Всемирное обозрение
всех видов технических
и иных неожиданностей,
а также всевозможных чудачеств

ВЫПУСК
ВТОРОЙ

Рисунки А. Януса

НОВЫЙ АРТИСТ ЦИРКА

Знатоки считают, что этот маленький, весом всего пять килограммов, медвежонок мог бы стать украшением любого зоопарка мира.

Медвежонок не простой — гобийский, или, как его еще называют, мазалай.

Мазалай — одно из самых древних животных Земли. Люди узнали о нем лишь в конце XIX века. Живет мазалай в труднодоступных горах Монголии, до сих пор никому не удавалось его поймать. Но вот недавно охотникам повезло.

На самолете медвежонок прилетел в столицу Монголии. Он чувствует здесь себя прекрасно и скоро начнет выступать на арене улан-баторского цирка.

СЛУЧАЙ В МАЙАМИ

В 1966 году один американский мальчик отдыхал на Гавайских островах. Возвращаясь домой в город Майами, он захватил на память трех улиток с коричневыми ракушками.

И вот что вышло...

Дома мама заставила мальчика выбросить сувениры во двор. Так совершенно неумышленно мальчик развел в США свирепого хищника: гигантскую африканскую земляную улитку.

Выносливые прожорливые создания длиной в 30

сантиметров уничтожают луга, разоряют цитрусовые плантации и даже съедают краску со зданий — источник кальция для их раковин. Жители Майами не могут пересечь лужайку, не раздавив ракушку.

По подсчетам ученых, одна улитка может произвести за три года потомство в восемь миллиардов.

Победить улитку нелегко. У нее так мало естественных врагов, что она может жить где угодно. Биологи начали наступление с помощью химических средств, но до победы еще далеко.

НИКОГДА НЕ ПОЗДНО УЧИТЬСЯ

Когда жительница Лондона Джин Витеридж решила изучать иностранные языки, ей было 83 года.

Сейчас миссис Витеридж девяносто. Она успешно сдала экзамены по итальянскому, немецкому, испанскому и французскому языкам.

Скоро предстоит испытание в древнегреческом.

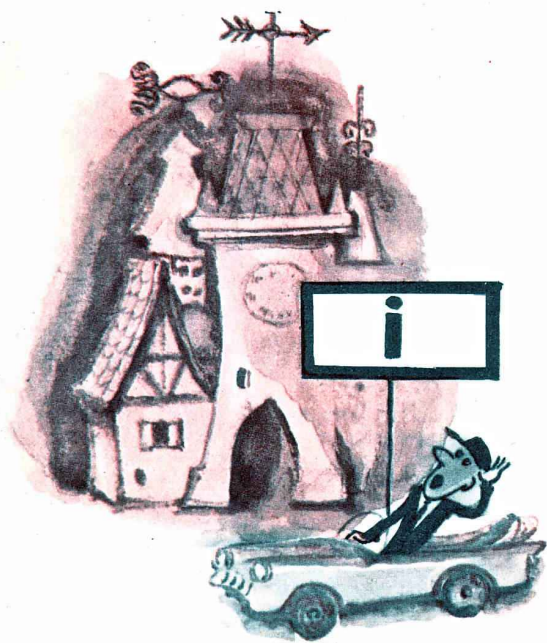
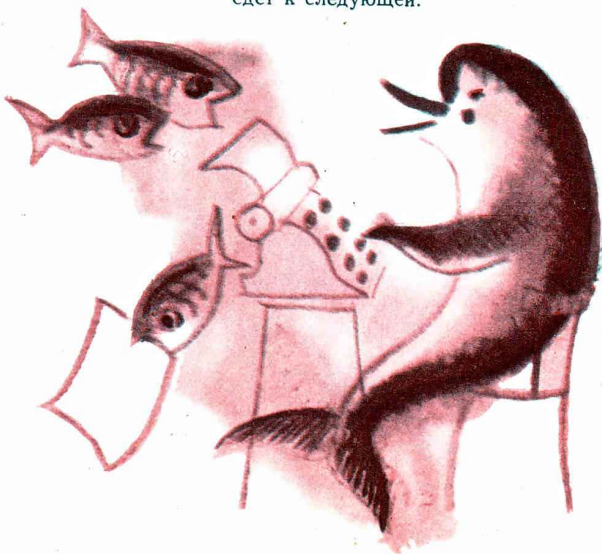
ПЫЛЕСОС — КАК ПОЕЗД

Если этим пылесосом вы станете чистить свою квартиру, то за одну минуту он проглотит вместе с пылью добрую половину домашней утвари. Им чистят станции парижского метро. Он—как поезд: первый вагон—огромный воздушный насос, два других—для мусора. В один миг пылесос-гигант собирает клочки бумаги, смятые газеты, огрызки яблок, разбросанные на станции неаккуратными пассажирами. Очистил одну станцию—едет к следующей.

ДЕЛЬФИНЫ-МАШИНИСТКИ

В зоопарке шведского города Кольморден строится бассейн. Под водой устанавливают специальные пишущие машинки, световые табло, звуковые сигналы и различную аппаратуру для наблюдения.

Шведские исследователи Карл Фицтелиус и Эрик Фабрициус хотят научить нескольких дельфинов печатать на машинке, а потом, может быть, и читать написанное. Это позволит ученым узнать, есть ли у дельфинов свой собственный язык.

ЧТО ОСТАЛОСЬ НА ТРУБЕ

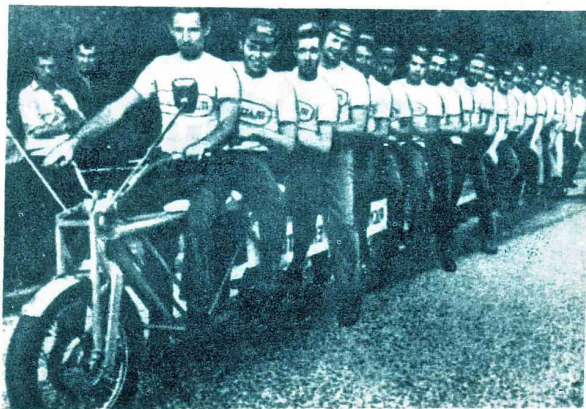
Помните: когда «А» упало, а «Б» пропало, на трубе осталось «И». И больше ни одной буквы, как будто их и на свете нет. Наверное, это произошло в одном финском местечке, потому что его называли «И».

ПУТЕШЕСТВУЙТЕ НА МОТОЦИКЛЕ!

Можете взять с собой папу, маму, бабушку и дедушку, соседа по парте, друга по двору, самую лучшую девочку, сестру и брата, тетю и дядю, повара, экскурсовода, механика — на всякий случай, и еще пятерых приятелей.

Никому тесно не будет.

Любители мототуризма из английского городка Нью-Хилтон сконструировали мотоцикл на двадцать человек.

АРЧЕБЕК

КОНСУЛЬТАЦИЮ

ДАЕТ

ГРОССМЕЙСТЕР

АВЕРБАХ

«Дорогой Ферзьбери! Как выиграть королем с пешкой против короля?» — спрашивает рыцарь Саша Баранов (Яковлевка). Такой вопрос задают и другие рыцари. Им отвечает международный гроссмейстер Юрий Авербах.

— Итак, король и пешка борются с королем. Пешкой мат не дашь, но можно превратить ее в ферзя. Можно, но... не всегда. Сначала рассмотрим случай, когда пешка продвигается без помощи своего короля.

Белые: Крб6; черные: Кра 8, п.g5. Пешка стремится в ферзи (на g1), но король поддержать ее не может, и борьба сводится к гонке между ней и белым королем: догонит он ее до превращения — ничья, не успеет — белые проиграют. 1. Крс5 g4 2. Крд4 g3 3. Кре3 g2 4. Крf2. Догнал! Ничья.

Существует «правило квадрата»: если король может вступить в «квадрат пешки», то он ее догонит. («Квадрат пешки» — это квадрат, стороной которого является путь пешки до поля превращения; в разобранном примере сторона — линия g5—g1, а квадрат—g5—g1—c1—c5—g5). Если пешка стоит на второй линии, то при применении правила квадрата нужно учесть, что она сделает двойной ход.

Белые: Крг4; черные: Крh8, п.а6. Догонит ли король пешку? Да! Ходом 1. Крf4! он вступит в квадрат (а6—a1—f1—f6—a6). Значит, ничья. Проверьте это.

Белые: Крс4; черные: Крh8, пп.d6, e5. Пешки, защищающие, как тут, одна другую, называются связанными пешками. Таким вражеский король не страшен. Спасутся ли здесь белые? Нет! 1. Крд5 Крг7. Черные спокойно подводят короля, так как побить пешку d6 белые не могут: «убежит» пешка e5. 2. Кре4 Крf6, и с помощью своего короля одна из пешек легко пройдет в ферзи.

Белые: Крh8, п.с6; черные: Краб, п.h5.

Перед вами знаменитый этюд Р. Рети. На первый взгляд, черные должны выиграть: кажется, будто их король уничтожит белую пешку, а их пешка неизбежно пройдет в ферзи. Однако если белые умело борются за попадание в квадрат черной пешки, то они достигнут ничьей!

1. Крг7! h4. 2. Крf6! Король гонится сразу за двумя зайцами: и к своей пешке на помощь идет, и в квадрат черной угрожает попасть. 2... h3 3. Кре7 h2 4. c7 Крb7 5. Крд7, и ферзи будут у обоих. Ничья.

После 1. Крг7! черные могли играть 1... Крb6. Но и это не помогло бы выиграть: 2. Крf6! h4 (иначе белые пойдут Крг5) 3. Кре5! — с угрозой войти в квадрат. Поэтому надо 3... h3. Но тогда 4. Крд6! — и снова ничья.

ТРИ „НИКОГДА“

Делают ли первый ход в партии сразу двумя крайними пешками? **НИКОГДА!**

Ставят ли себе пешку, если король пройдет с первой до восьмой линии? **НИКОГДА!**

Рокируют ли, если королю придется перейти через поле, битое вражеской фигурой? **НИКОГДА!**

КТО СКАЗАЛ ЧТО?

Рыцарята Знай, Незнай и Полузнай нашли записку: «Белые: Крb7, п.с4; черные: Крf6, п.а5. Ход белых». Расставили фигуры на доске и, конечно, сразу заспорили.

— Здесь никто не должен выиграть! — кричал (кто?). — Потому что обе пешки проходят в ферзи одновременно!

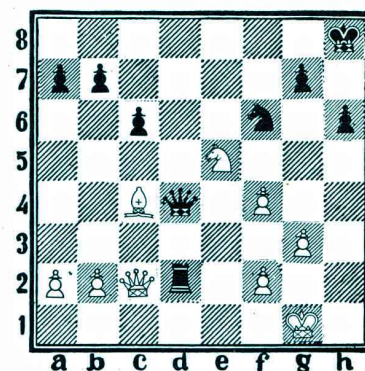
— А вот и не так! Тут выиграш у белых! — уверял (кто?).

— Кто первый прозевает, тот и проиграет! — твердил (кто?).

НА ПОЛИГОНЕ

Главное оружие на нашем полигоне — быстромат. Огонь из быстромата ведется по королю. Стрелять разрешается стоя, сидя и лежа. Точность попадания достигается при частых тренировках.

Сегодня стрельба производится в следующих сложных условиях. А. Диаграмма.

Б. Белые: Крb1, Фд3, Лг1, Лh1, Cd2, Ке5, пп.b3, c2, f2, f4; черные: Крг8, Фа3, Ла8, Ле8, Кd5, Кf6, пп.b7, c7, e6, g7, h7.

В. Белые: Крг1, Фг5, Ле1, Кf5, пп.a2, f2, g2, h2; черные: Крг8, Фf6, Лb7, Кg6, пп.a7, b6, c4, f7, g7, h7.

Рыцари, на линию огня! Цель — черный король. Белые начинают и — ба-бах! — мат, как можно быстрее!

ПРИКАЗ № 5

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Шахматистам — отправиться на полигон и поразить цель в минимальное число ходов.

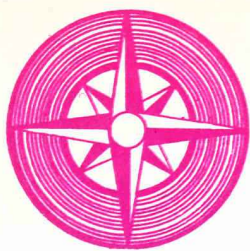
§ 2. Рыцарятам — определить: кто сказал что?

§ 3. Шашистам — найти, как белые выигрывают. А) белые: c5, f4; черные: a5, b8. Б) белые: c1, e7, f6; черные: c3, f4, h4. В) белые: простые a7, f4, h4, h6; черные: дамка a1, простые c7, d8, h8.

§ 4. Срок — до 1 сентября. Помечайте на конвертах: АРЧЕБЕК. Указывайте свой адрес!

§ 5. Рапорт присылайте один раз. Поправки и дополнения не принимаются!

Шахмат-адмирал
Ферзьбери

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

**Выходит
под редакцией
капитана
второго ранга
С. Сахарнова**

Год издания 14-й

В МОРЯХ И ПОРТАХ

В МОРЯХ И ПОРТАХ

В МОРЯХ И ПОРТАХ

В МОРЯХ И ПОРТАХ

Баренцево море. Майский день. Полуостров Рыбачий как на ладони. И вдруг в минуту—похолодало, берег словно уто-

ПОДВИГИ НЕ ЗАБЫВАЮТСЯ

берегу огонек. Будут вспышки карманным фонариком. Там в окружении наши разведчики. Надо во что бы то ни стало снять их.

Катер вышел в море непроглядной полярной ночью. Вот отмеченная трассами ракет линия фронта... Вот вражеский берег... Неглубокий залив. Место, где сражались разведчики, было видно и без вспышек фонарика — на берегу шел бой.

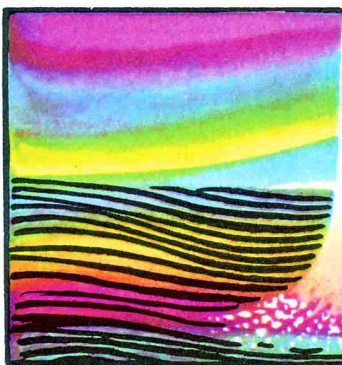
Прижимаясь к самому берегу, катер Новоспасского подобрался к пятачку, на котором были окружены советские бойцы. Подошли самым малым, с носа спустили на берег сходню. Перенесли на катер раненых.

запад. В залив Варангер-фьорд был высажен крупный десант. Первым во фьорд ворвался катер старшего лейтенанта Новоспасского. Он высадил группу десантников на вражескую батарею, прямо под самые стволы немецких орудий.

Подвиги отважного североморца высоко оценила Родина. Офицер-гвардеец Новоспаский получил звание Героя Советского Союза.

Недавно Леонида Леонидовича не стало.

Это был удивительный человек. В молодые годы окончил математический факультет Горьковского Университета. Сам научился играть на труд-

нул в белом дыму, снежная ко-
ловерть обрушилась на судно.
Над самыми мачтами мчатся
грязно-серые облака... Но все-
го полчаса — и снежный заряд
кончился, ушло лиловое обла-
ко, над кораблем снова синее
небо и неяркое холодное солнце.

В этом суровом море воевал в дни Великой Отечественной войны командир сторожевого катера Леонид Леонидович Новоспаский.

Однажды его вызвали в штаб.
— Пойдете к берегу, занятому врагом, за линию фронта, — сказали ему. — Ищите на

Огненные трассы летели уже из-за ближайших камней. Разведчики отступали по одному.

Когда последний солдат был на палубе, Новоспасский командовал:

— Малый вперед!

Отходили тихо, не отвечая на огонь врага. Полярная ночь жгла над заливом голубые сполохи.

Так и не поняли немцы, куда исчезли окруженные и прижатые к воде разведчики.

Когда Советская Армия перешла в наступление, фронт в Заполярье тоже двинулся на

нейшем музыкальном инструменте — виолончели. Но ни математиком, ни музыкантом не стал. Свою жизнь Леонид Леонидович посвятил морю.

№ 1/2 по набережной Шевченко в Москве, где жил Новоспаский, до сих пор приходят письма. Пишут люди, с которыми он плавал, работал, воевал. Пишут те, кого он спас во время войны, и те, кому он помог добрым советом в мирное время.

Его жизнь была подвиг. А подвиги не забываются.

абвгдежзийклмнопрстуфхцшщъыьэюяёдежзийклмнопрстуфхцшщъыьэюяёдежзийклмнопрстуфхцшщъыьэюяё

Нет морского дела без веревки — тросов, концов, линий. Канат толщиной в руку удерживает океанское судно у причала, на лине опускают в морскую пучину лот, чтобы достать дно, тонким шкертиком привязывают уключину, чтобы она не выпала за борт. Сама «веревка» — слово запретное, веревки на кораблях нет.

Тросы, концы, линии не подвешивают моряков. Прежде чем поднять тросом тяжесть, моряк рассчитывает — выдержит трос или нет?

Плотно оберни трос полоской бумаги. Там, где концы полоски зайдут один за другой, сделай булавочный прокол. Разверни полоску и измерь сантиметром расстояние между следами про-

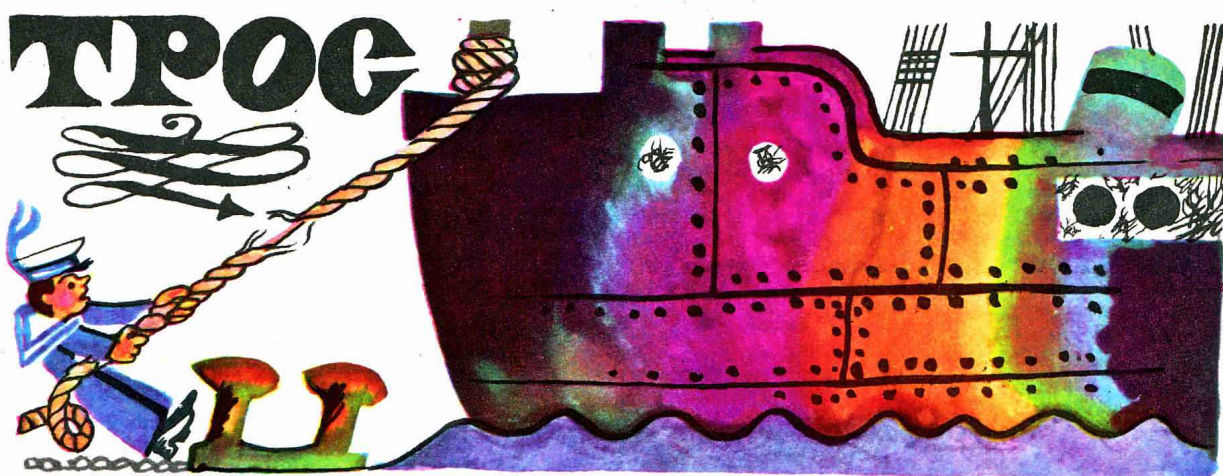
кола. Ты узнал толщину троса в миллиметрах.

Умножь полученную толщину самой на себя. Произведение раздели на девять. Результат — рабочая сила троса, число килограммов, которые можно без опаски поднимать.

Для того чтобы разорвать трос, нужна нагрузка примерно в четыре раза больше.

Идешь ли в поход на шлюпку, в турпоходе поднимаешь ли тяжесть через блок, — к тросу, которым пользуешься, отнесись с уважением — знай его рабочую силу заранее.

А назовут твой трос веревкой — тоже не обижайся.

абвгдежзийклмнопрстуфхцшщъыьэюяётуфхцшщъыьэюяё абвгдежзийклмнопрстуфхцшщъыьэюяё

МОРСКАЯ ВИКТОРИНА

Мы начинаем морскую викторину. В каждом номере «Морской газеты» будут печататься три вопроса. Кто из ребят пришлет правильный ответ — тому очко. У кого в конце года очков больше — тот победитель. Победителю — морской приз.

Вести викторину будут наши старые знакомые — капитан Быстроходов и боцман Румпель. Вопросы у них всегда заковыристые и требуют точных знаний для ответа.

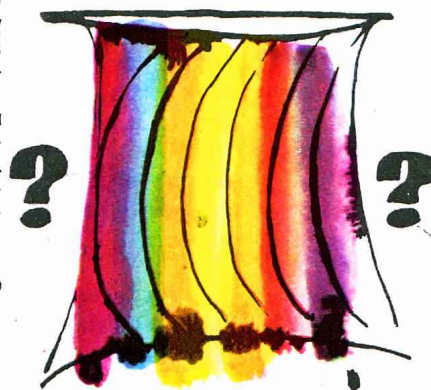
Итак:

У какого морского животного голубая кровь?

Что такое парус блинд?

Были ли у восставшего броненосца «Потемкин» корабельные помощники?

Ждем ваших писем!

Это занятие в школе „Спринт“ проводит заслуженный мастер спорта, олимпийская чемпионка в беге на короткие дистанции Мария Леонтьевна Иткина.

Рисунок И. Кичановой

Впервые Маше Иткиной пришлось участвовать в кроссе, когда она училась в шестом классе. Бежать надо было 500 метров. Иткиной показалось, что у нее не хватит сил, и она сошла с дистанции. Через два года Машу послали выступить на первенстве города среди школьников. Она впервые попала на стадион, все здесь для нее было в новинку и, когда стартер дал старт, растерялась и застыла на месте. Потом резко рванулась вперед, догнала других спортсменок и бежала вровень с ними. Но на финише снова растерялась и вместо того чтобы набжать на финишную ленточку, подлезла под нее! И оказалась на последнем месте.

УГОЛОК ВЕСЕЛОГО АРХИВАРИУСА

ПОНИМАЙ КАК ЗНАЕШЬ!

Английский фельдмаршал Монтгомери, крупный военачальник в годы прошлой войны, на старости лет написал собственное жизнеописание. Престарелый полководец оказался предприимчивым дельцом и ухитрился получить от книгоиздателей за свой труд баснословную плату — 175 тысяч фунтов стерлингов!

Один известный в Англии журналист заметил по этому поводу: «Монтгомери поступает в духе наших военных обычаев — дорого продает свою жизнь!»

Эта неудача очень расстроила Иткину. Она стала заниматься в легкоатлетической секции. Первое время добиться успеха ей мешала плохая координация движений. Упражнения она выполняла скованно. Не ладилась техника. Во время бега она запрокидывала голову назад и ничего не видела впереди себя. Из-за этого в финальном забеге первенства РСФСР в 1952 году Иткина, бежавшая стометровку первой, споткнулась о бровку и упала. Но желание хорошо бегать крепло. И молодая спортсменка дала себе слово регулярно заниматься легкой атлетикой. Она тренировалась в беге на 100, 200 и 400 метров, развивала скоростные качества, вырабатывала выносливость и постепенно стала добиваться высоких результатов.

Мария Леонтьевна Иткина дважды завоевывала титул чемпионки Европы в беге на 400 метров. Кстати, эту дистанцию ввели в международные соревнования совсем недавно, в 1958 году. Тогда в Стокгольме на первенстве Европы по легкой атлетике Мария Леонтьевна стала чемпионом Европы в беге на 400 метров и завоевала золотую медаль. Через четыре года в Стокгольме она повторила свой рекорд.

КАК ТРЕНИРОВАТЬСЯ НАЧИНАЮЩИМ СПОРТСМЕНАМ В БЕГЕ НА 400 МЕТРОВ

Рассказывает М. Л. Иткина.

Дистанция 400 метров — одна из самых трудных. Ее относят к длинному спринту. Сложность этой дистанции в том, что ее надо от начала до конца пробегать одинаково быстро. Спортсмен, бегающий на 400 метров, должен сочетать высокие скоростные качества с большой выносливостью.

Главное внимание начинающий бегун должен уделять тому, чтобы его движения при беге были максимально свободными и естественными. Для выработки правильной координации движений хорошо включать в тренировки акробатические упражнения.

Очень полезен легкий кроссовый бег. Моим излюбленным приемом тренировки на 400 метров был кроссовый бег по пересеченной местности. Весной я обычно уходила в лес или в поле, выбирала пересеченную местность, желательно с твердым грунтом, и начинала тренировки. Особенно я любила бегать в гору. Полезно применять при кроссах на местности переменный бег. После 200 метров тихого бега — бег с ускорением 100 метров, потом снова 200 метров тихого бега и опять 100 метров с ускорением.

Чтобы добиться полной свободы движений, не следует в первый год тренировки пользоваться секундомером.

Большое внимание начинающий спортсмен должен обратить на правильную постановку стопы. При беге у спортсмена должна быть высокая стопа. Для укрепления стопы хорошо включать в тренировки упражнения с набивным мячом, особенно полезны прыжки с набивным мячом, а также игра в баскетбол. Если у спортсмена будет сильная стопа, будет и сильный толчок при старте.

В беге на 400 метров должен быть хорошо отработан низкий старт. Но первое время не нужно разучивать низкий старт. К отработке его следует переходить лишь

ПРИМЕРНЫЙ ЦИКЛ

ТРЕНИРОВКИ

Понедельник. Разминка, ускорение, два-три раза по 70—80 метров. Бег с хода. Один раз — 20, один раз — 30, один раз — 40 метров. После каждой пробежки трехминутный отдых. Пробежать 2 раза по 150 метров в полсилы. Заключительный свободный тихий бег 400 метров.

Вторник. Разминка, ускорение, можно пробежать один раз 200 метров в три четверти силы и один раз 250—300 метров в полсилы. После этого 600—800 метров медленного бега. Между первой и второй пробежкой интервал отдыха 10—15 минут.

Среда. Кросс в лесу минут 15. Легкие прыжки с набивным мячом для укрепления стопы или баскетбол.

Четверг. Отдых.

Пятница. Разминка, переменный бег шесть—восемь раз по 100 метров через 100 метров тихого бега. Прыжки в длину, метание гранаты или толкание ядра.

Суббота. Отдых.

Воскресенье. Отдых.

тогда, когда спортсмен достиг свободы всех движений при беге. В тренировки необходимо включать и гимнастические упражнения на растяжение и гибкость, чтобы мышцы были эластичными, удлинялся шаг бегуна. Выполняя любое упражнение, спортсмен должен следить, чтобы все его движения были свободными.

После выполнения упражнения хорошо сделать легкий дриблинг. Спортсмен должен знать, для чего выполняется каждое упражнение, какую пользу оно приносит.

Если в вашем городе или селе есть стадион, надо тренировки на природе сочетать с тренировками на стадионе. При тренировках на стадионе особое внимание следует уделять отработке техники поворота. Круг стадиона составляет 400 метров. Спортсмену надо преодолеть два виража. При повороте следует держаться ближе к внутреннему краю дорожки, чтобы сохранять энергию. Бегун должен стремиться, чтобы затрата энергии была минимальной, а свобода движений — максимальной.

Тренировки должны носить спокойный характер. Никогда не надо на тренировке бегать в полную силу. После окончания тренировки у каждого спортсмена должен оставаться резерв неиспользованных возможностей. Тренироваться следует три—четыре раза в неделю. В дни отдыха хорошо покататься на лыжах или коньках, поиграть в спортивную игру. Помните, что отдых — часть тренировочного процесса. Если после первых тренировок у вас заболит голень или икроножные мышцы, не пугайтесь. Это значит, что организм еще не приспособился к физическим нагрузкам. Отдохните несколько дней, сделайте теплый компресс и все пройдет.

УГОЛОК ВЕСЕЛОГО АРХИВАРИУСА

УГОЛОК ВЕСЕЛОГО АРХИВАРИУСА

ОСЕЛ-ОБИДЧИК

Друзья Сократа были недовольны тем, что он равнодушно снес обиду одного вздорного человека.

— Если бы меня ударил осел, то неужели бы я пошел жаловаться на него в суд? — ответил Сократ.

СОДЕРЖАНИЕ

Солнце Победы
стихи Л. Хаустова
рисунок А. Пахомова

1

Победа подтверждается
верностью
говорит М. Дудин
рисунки А. Смирнова

2

Первый бой
рассказ Ф. Гордеева
рисунки Н. Муратова

5

Дружба

8

Страна Поэзия
Михаил Луконин
рисунки А. Алексеева

10

Свежий ветер
повесть О. Орлова
рисунки С. Острова

12

Стихи о потерянном времени
Мира Алечкович,
перевел В. Торопыгин
рисунки Б. Семенова

21

Совет друзей
выступают О. Чистовский
и В. Нечаев
фото О. Чистовского
и Л. Лубеницкого

22

Вот моя деревня
повесть В. Арро
рисунки Т. Капустиной

26

Спящие облака
рассказ Н. Сладкова

44

Зеленое дерево
беседа И. Суриной
фото Е. Синявера
и О. Воробьева

45

Двое у костра
очерк Г. Коркиной
фото Б. Ритова

48

Конец «Морского рая»
очерк Я. Липковича

50

Уголек
журнал для малышей
рисунки П. Швеца и О. Зуева

55

Вот так штука!
обозрение
рисунки А. Януса

57

Арчбек
шахматный клуб

59

Морская газета
оформление С. Острова

60

Школа «Спринт»
рисунки И. Орлова

62

Уголок
веселого архивариуса
рисунки М. Беломлинского

62

На обложке рисунок
В. Меньшикова

На третьей
странице обложки —
головоломки В. Уфлянда,
рисунки И. Казаковой

На четвертой
странице обложки
«Баллада о монументах»
слова В. Шальта,
музыка В. Запольского

ПРИДОРЖНЫЙ КАМЕНЬ

Шел Иван-Царевич путем-дорогою, покуда не оказался на распутье, перед камнем придорожным. В незапамятные времена добрые люди высекли на этом камне надпись. Но не иначе как Баба-Яга, или Змей Горыныч, или еще какие-нибудь озорники испортили буквы. К каждой прибавили где лишнюю черточку, где две, а где и больше, так что все почти буквы стали сами на себя не похожи. Однако Иван-Царевич голову не повесил, а стал разбираться. И в конце концов понял, что написано на камне.

ПОМОГИТЕ АРХЕОЛОГУ

Один археолог нашел в Африке громадную квадратную плиту, расколотую на четыре части. Они были сложены так, как вы видите на рисунке. Ни один кусок в одиночку сдвинуть с места невозможно. Что же изображено на плите?

У КОГО В РУКЕ РЕЗИНКА?

Витя, Толя, Дима и Саша придумали занимательную игру. Один из них прятал в руке стирательную резинку. А ребятам из другого класса предлагали угадать, у кого резинка и как зовут каждого из них. Вот они стоят четверо. Если вы вдумаетесь в их слова, то поймете, что они вам очень хитро подсказывают ответ.

Главный редактор
В. В. Торопыгин

Редакционная
коллегия:
Г. И. Барينو-
ва, А. А. Крестинский,
Б. Н. Никольский,
А. И. Пантелеев,
А. Ф. Пахомов,
Р. П. Погдин,
С. В. Сахаров,
Е. В. Серова,
Н. В. Тереминская
(ответственный
секретарь),
Л. В. Успенский,
Н. А. Ходза,
Г. М. Чернякова,
Ю. А. Юркан,
(зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Технический редактор
А. А. Двораковская
Корректор
В. А. Маевская

Адрес редакции:
Ленинград, С-15
Таврическая, 37

телефон
14-57-76

М-32213.
Подписано к печати
24/III 1970 г.
Формат 60×90¹/₈
Печ. л. 4.
Тираж 430060 экз.

Заказ № 2409

Рукописи
и фотографии
не возвращаются

Ленинградская
фабрика
офсетной печати № 1
Главполиграфпрома
Комитета по печати
при Совете
Министров СССР
Кронверкская ул., 7

БАЛЛАДА О МОНУМЕНТАХ

Слова В. Шалыта

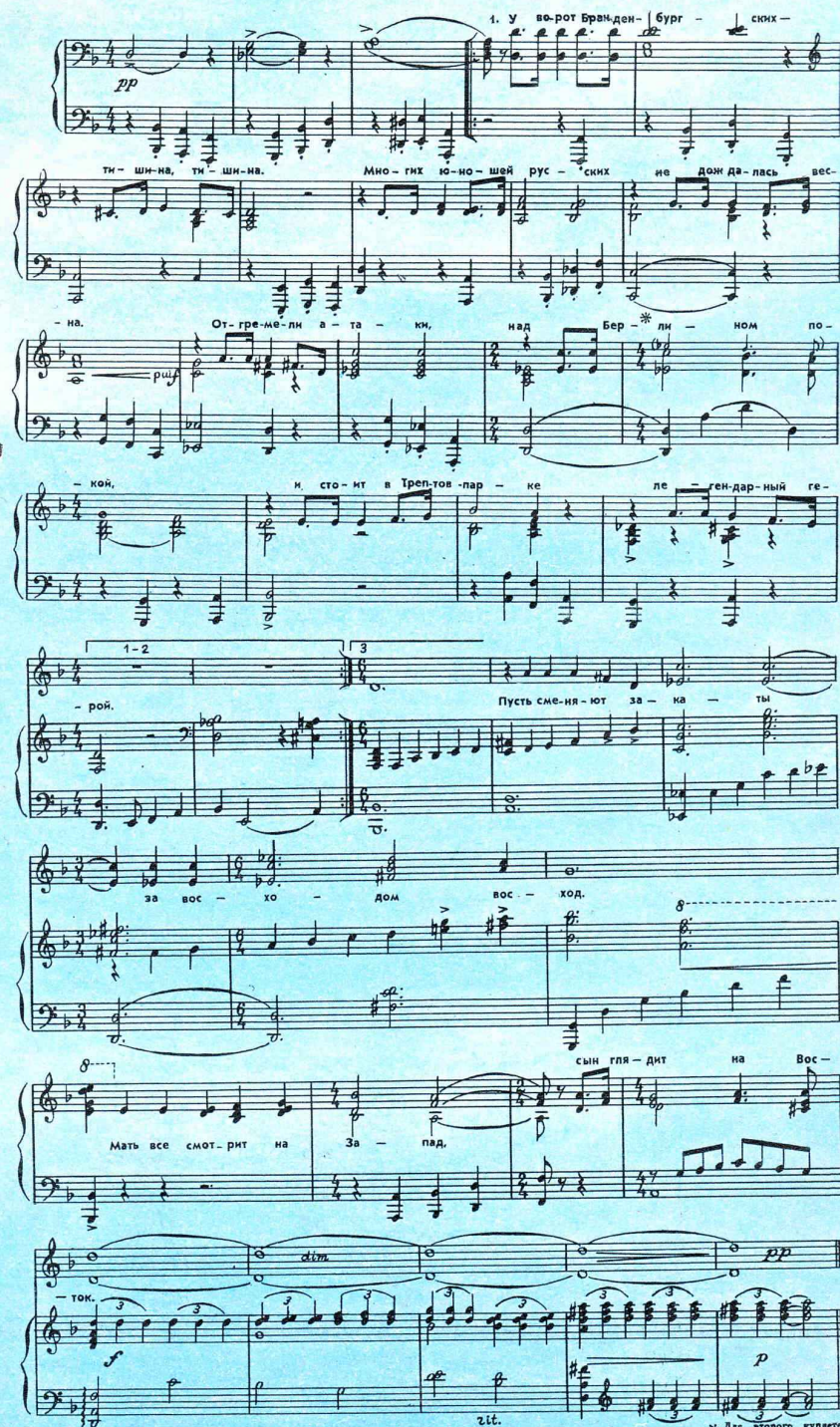
Музыка В. Запольского

У ворот Бранденбургских —
Тишина, тишина.
Многих юношей русских
Не дождалась весна.
Отгремели атаки,
Над Берлином покой,
И стоит в Трептов-парке
Легендарный герой.

Непреклонность во взгляде
И заботы печать.
Вечно ждет в Ленинграде
Парня этого мать.
Сердцем ждет его добрым,
Но в величье молчит.
Мать на кладбище скорбном
Монументом стоит.

Нерушимою силой
Против тысяч смертей
Встала мать над могилой
Ленинградских детей.
Против страха и смерти
На бессонном посту —
Пусть берлинские дети,
Пусть все дети растут.

Пусть сменяют закаты
За восходом восход.
Мать все смотрит на Запад,
Сын глядит на Восток.

1. У во-рот Бранден-бург - ских -
ти - ши-на, ти - ши-на. Мно-гих ю-но-шей рус - ских не дож-да-лась вес-
- на. От-гре-ме-ли а - та - ки, над Бер-ли-ном по-
- кой, и сто-ит в Треп-тов-пар-ке ле-ген-дар-ный ге-
- рой. Пусть сме-ня-ют за-ка-ты
за вос-хо-дом вос-ход.
сын гля-дит на Вос-
Мать все смот-рит на За-пад.
- ток. *dim* *pp*
2. *p*

От автора. Каждый следующий куплет
исполняется быстрее и энергичнее предыдущего.
С третьего куплета желательно исполнять